

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Закон обратного Волшебства

Татьяна Устинова

Закон обратного волшебства

«ЭКСМО»

2004

Устинова Т. В.

Закон обратного волшебства / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2004

Анфиса Коржикова больше всего на свете любит свою бабушку Марфу Васильевну, аптеку, где работает, и детективные головоломки... Ей раз плюнуть отгадать, кто украл деньги у заведующей, или куда исчезли документы с ее стола. Но Анфиса всегда мечтала распутать настоящее преступление. А тут ей подвернулось сразу два... Кто-то планомерно травит Илью Решетникова, владельца транспортной конторы, расположенной рядом с аптекой. Второе дело явно круче. Убили соседа Марфы Васильевны по даче. Внучка и бабушкин садовник Юра Латышев ведут следствие, в ходе которого Анфиса понимает, что... влюбилась в Юру. Нужно срочно взять себя в руки и думать лишь о деле. Вернее, сразу о двух. А какое из преступлений круче, будет ясно лишь в конце...

© Устинова Т. В., 2004

© Эксмо, 2004

Татьяна Витальевна Устинова

Закон обратного волшебства

"Гертруда и Роналд обвенчались. Счастье их было безоблачным.

Что тут можно еще добавить?

Да, еще вот что. Через несколько дней граф был убит на охоте.

Графиню поразила молния. Дети утонули.

Итак, счастье Гертруды и Роналда было совершенно безоблачным".

Стивен Ликок

"Гувернантка Гертруда,

или Сердце семнадцатилетней".

На глаза ему попала красивая девушка, и он стал смотреть на нее – чтобы хоть куда-нибудь смотреть! Кроме того, смотреть на нее было приятно, она как будто из журнала выскочила.

Из такого – он пошевелил лбом, подгоняя умные мысли поближе, – из такого... как это называется-то?

Ну, картинки красивые и на обложке непременно ангельское личико, а по бокам заголовки: «Шестнадцать способов соблазнить шефа», «Роскошные ресницы – счастливая судьба, новая удлиняющая тушь от...», «Весна – время заняться фигурой», «Загляни ему в душу».

Последнее, про душу, ему особенно нравилось, учитывая, что путь то ли к этой самой душе, то ли к сердцу пролегал через желудок. Каково это – заглянуть в душу через желудок? Красота небось откроется, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как же называется-то это все?..

Ах, да! Глянец, вот как! Гламур, вот еще как.

Девушка, выскочившая из глянца или гламура, обежала свою машинку, похватила с заднего сиденья сумочку, зонтик и еще что-то очень дамское, побежала, на ходу натягивая обушенную донельзя светлую дубленку, не глядя, вытянула руку с брелком. Машинка подмигнула фарами, как будто попрощалась с ней.

Он зевнул, чуть не вывернув челюсть, и захлопнул рот – зубы клацнули.

Спешит она. Торопится. На работу, должно быть, опаздывает. Он подчиненных за опоздания гонял в хвост и в гриву, и мысль о том, что она опаздывает, доставила ему удовольствие.

«Вот работала бы она на меня, – мечтал он. – Вот опоздала бы, а я бы вызвал ее, и давай мозги вправлять! Я бы вправлял, а она бы краснела, мялась, негодовала, стреляла своими глазами. Шестнадцать способов соблазнить шефа!...»

Но девушка повела себя странно. Она перебежала дорогу, ввинтилась в толпу на троллейбусной остановке и на некоторое время пропала из глаз. Он все смотрел, позевывая. Подошел троллейбус.

Он был переполнен уже в тот момент, когда подходил, да еще столько же народу, сколько было внутри, собиралось штурмовать его снаружи – и глянцева девушка тоже!

Он ее увидел. Сделав решительное лицо, она сунула под мышку сумочку, получше укрепила в руке зонтик, одернула кургузый пиджачок и бросилась на штурм.

Штурм был краток и страшен.

Все лезли, ругались, пихали друг друга локтями в бока, тащили за одежду. Одежда трещала и рвалась. Лица наливались кровью и ненавистью. На мокрый асфальт летели пуговицы и проклятия.

Троллейбус постоял-постоял, а потом вздохнул и поехал – двери не закрывались, и от народа его кренило на одну сторону, вот-вот «рожки» слетят.

И чего ей на машине не ехалось?.. Чего лучше, сиди себе, слушай музыку, что-нибудь возвышенное и гламурное, к примеру, «тонкий шрам на любимой попе, рваная рана в моей душе», подпевай да продвигайся потихоньку.

Лишь солнце взойдет, собирайся в дорогу и следом за ним поезжай понемногу. Покуда вернется оно в небеса, объедешь ты в двадцать четыре часа.

На самом деле – отличный лозунг для участников и регулировщиков московского движения. Двадцать четыре часа в машине, и это еще не предел! Вы можете сделать больше!..

Скособоченный троллейбус уехал, а он остался, и смотреть ему стало не на что.

На кого-то она похожа, та странная девушка. На кого-то из книжки или с картинки. А может, из телевизора.

Нет, он не мог вспомнить, на кого именно.

Человек, наблюдавший за ним издалека, усмехнулся, заметив мечтательное выражение, мелькнувшее на простецкой и не отягощенной интеллектом физиономии. Должно быть, мечтает, как тюлень на лежбище.

О чем может мечтать тюлень на лежбище?..

Этот тюлень сослужит свою службу, участь его решена. За несколько вонючих тухлых рыбок он станет выделять всякие трюки и фокусы, крутить на носу мяч, беспомощно загребать ластами манеж и обиженно реветь, не понимая, что происходит, когда его тушу поволокут на убой.

Жалко, конечно, – такой отличный экземпляр, еще не подпорченный никакой цивилизацией! – но что поделаешь! Задуманное предприятие потребует жертв. На роль жертвы тюлень подходил идеально.

Из подъезда вышла бывшая тюленева жена, посмотрела вверх – на небо, посмотрела в стороны – на дома.

Посмотрела на тюленя, при этом лицо у нее приняло странное, как будто жалостливое выражение, впрочем, едва заметное. Потом она мазнула глазами и по его машине, совершенно равнодушно, впрочем. И наконец перевела взгляд себе под ноги, прикинула, куда шагнуть. Как раз вовремя, потому что под ногами у нее простиралась огромная лужа, плескалась и важно ходила в асфальтовых берегах. На жене были короткие белые замшевые сапожки и некий «макинтош», как определил он для себя, – что-то летящее, взмывающее, изнутри подбитое тонким светлым мехом, а снаружи атласное, расшитое яркими восточными цветами.

Тюленева жена была женщина со вкусом.

– Илюша! – негромко сказала она в сторону «мерина», в котором вздыхал и ворочался тюлень. – Илюша!

Илюша, ясное дело, ни слова не слышал. Зевал по сторонам, и радио у него играло громко. Почему-то все из их тюленьего племени обожают именно громкую музыку и именно «мерины». В их тюленьи головы даже не приходит, что музыка может быть тихой и ненавязчивой, а машина – не «мерин».

Жена вытащила из кармана волшебного «макинтоша» крохотный белый телефончик на жемчужной петельке, как в рекламе, нажала кнопку и стала ждать.

Телефон соединился, тюлень заворочался и завозился с удвоенной силой, нашел свой аппарат и спросил, кто там. Может, он как-то по-другому спросил, но отсюда было плохо слышно.

– Илюш, – попросила жена в телефон, – подъезжай поближе. Здесь такая лужа, я через нее не перелезу.

Илюша стал оглядываться по сторонам, очевидно, так и не поняв с первого раза, кто именно его «вызывает». Она повторила еще нежнее:

– Илюша!

Тюлень наконец сориентировался во времени и пространстве, потому что дорогуший тарантас заурчал, дрогнул, тихонько тронулся с места и остановился прямо у ножек, обутых в белые замшевые сапожки.

Открылась широкая дверь, блеснула на ярком солнце полировкой. Жена подхватила подол своего «макинтоша» и красиво опустила себя на переднее сиденье.

Вообще она все делала красиво. Красиво шла, красиво поворачивала голову, красиво разговаривала по телефону. Как пить дать, с тюленем ей было несладко. Не зря развелась, хотя она до сих пор использует бывшего, вот сегодня, как извозчика.

Наблюдавший пропустил «мерин», солидно и неспешно вырливший на проезжую часть, и, расплескивая лужу, лихо вкатил во двор.

Он все успеет. Выехав из дома, она возвращается поздно, но ему-то, чтоб взять что надо, трех минут хватит.

Он пролетел лужу, въехал в арку, задвинул машину между помойкой и шикарным лимузином.

Вот все в этой стране так, подумал он неодобрительно. С одной стороны помойка, с другой – лимузин.

С одной стороны – многоквартирный элитный дом высотой в сто пятнадцать этажей, а снег от него не убирают. Отгребают от подъездов, и только. Весной все тает, течет, льется, струится, и прямо на тротуарчики, и к подъездам, и под ноги прямо. Элитные многоквартирные жилыцы подхватывают полы своих элитных «макинтошей» и, как все простые смертные, продвигаются к машинам все больше галсами и кенгуриными прыжками.

С одной стороны – модный и пафосный ресторан с усадым швейцаром в ливрее, который величественными жестами показывает, как и куда следует шикарно припарковаться. С другой – прямо напротив ресторана – районная помойка со всеми районно-помойными прелестями – бомжами, сборщиками бутылок и бродячими собаками. Когда за помойкой приезжает машина, грузчики матерятся, машина ревет, помойка грохочет, клиенты ресторана радуются жизни.

Слева – школы, справа – больницы. Поселяне и поселянки на заднем плане носят вещи в кабак.

Какое-то время он просто постоит за лимузином, оценит обстановку. А потом поднимется в квартиру и сделает все, что задумал.

Вряд ли это понадобится, но как подстраховочный вариант вполне может пригодиться.

Он был очень предусмотрителен, всегда и во всем. Его собственная жена когда-то поражалась этой его предусмотрительности, а она еще о многом не знала и даже не догадывалась. Ничего, скоро она попляшет.

Покрутив ручку – очень неудобную, потому что шарик давно вывалился и приходилось крутить гладкую пластмассовую палку, которую пальцы никак не могли ухватить, он опустил стекло, закурил и выдохнул. В солнечном луче повисло было облачко, но дунул ветер, легкий, прозрачный, – и нет облачка.

Он умилился. Вот и весна пришла.

Если кому-то суждено умереть весной, значит, суждено. Каждый судит по-своему. Он уже осудил, значит, все решено.

Нет преступления без наказания.

Анфиса Коржикова влетела в торговый аптечный зал как раз в тот момент, когда Лида уже выдвинула из-за стойки свои монументальные формы, собираясь прошесть по ослепительно чистому полу к двери, чтобы перевернуть табличку на длинном шнурке.

Было закрыто. Стало открыто.

Опоздала, опоздала!.. Заведующая очень не любит, когда ее «девочки» вбегают на работу «с последним звонком». Надо же подготовиться как следует – халат, шапочку надеть, руки помыть, и непременно с каким-нибудь дезинфицирующим раствором.

Аптека была старинная, огромная, с ореховыми диванами, фикусами в кадках, с деревянными шкафами, полными лекарств и загадочных бутылей темного стекла, по горлышку опоясанных бумажными шарфиками. Без новомодных глупостей, типа магазинных витрин и пластиковых зеленых корзин, в которые следует набирать «товар».

«Лекарства – не товар, – говаривала заведующая наставительно. – От лекарства, бывает, человеческая жизнь зависит!»

Анфиса Коржикова любила свою работу и гордилась ею.

– Анфиса! – с удивленной укоризной воскликнула Лида, словно видела коллегу первый раз в жизни. – Что это ты так сегодня?

– Как?.. – огрызнулась Коржикова.

Заведующая ей все выскажет – непременно, – уж Лида могла бы воздержаться! Хоть и невелик грех, а выскажет. Может, даже и не сейчас, а через месяц, к примеру. Заведующая очень любила «накапливать» факты, а потом вываливать их в самую неожиданную минуту, когда все уже расслабились и о своих грехах и проступках позабыли.

– Да вот опоздала, – нараспев сказала Лида. – Все уж давно по своим местам...

Дверь за их спинами – с табличкой «Закррито» – неожиданно распахнулась, и показалась Лена Андреева. На лице у нее была тревога.

– Еще не открывала? – тяжело дыша, спросила она Лиду. – Вот и хорошо! Сегодня с троллейбусами прямо что-то жуткое.

– Это точно, – подтвердила Анфиса.

– Девочки, идите скорее, сейчас уже открываться будем.

– Да мы идем, идем!.. – Анфиска, а ты тоже в троллейбусе застряла?

– Я в метро время потеряла, – на ходу придумала Анфиса. – Вроде и встала вовремя, и будильник зазвонил, и все нормально, а в метро...

– Что в метро? – издали спросила Татьяна Семеновна. За стеллажами ее было совсем не видно. – Опять в метро?!

Все трое повернули головы в сторону стеллажей, но никакой Татьяны Семеновны не увидели.

– Девочки?! Что там в метро?!

– Да ничего, – начала Анфиса, не приготовившаяся врать дальше, – просто я говорю, что опоздала из-за того, что в метро...

– Что в метро?! – Это уже заведующая вскрикнула. Она выскочила из-за перегородки и поверх очков смотрела на них с ужасом. В руках у нее были какие-то листы бумаги, и один вдруг упал и спланировал на пол.

– Да ничего нет в метро, – на всю аптеку закричала несчастная Анфиса Коржикова, – я опоздала из-за того, что поезда долго не было. Я на платформе ждала, а его все не было, а потом пришел, и я в него не влезла, а влезла только в следующий!

В дверях маячили лица сотрудников, привлеченных криками в торговом зале. Лида смотрела на Анфису в изумлении, как будто та призналась в том, что только что встретила на улице кабана-бородавочника. Лида всегда умела оказаться на стороне начальства – даже в большей степени, чем само начальство.

Заведующая нагнулась и подняла листок.

Никто ничего не сказал вслух, но ужас, охвативший всех при слове «метро», словно повис в воздухе.

– Вот жисть какая, – сказала уборщица Нина, – это же господи спаси! Всякий день то горим, то тонем. То режут, то взрывают. А все потому, что небо космосом проткнули и сатана теперь...

– Нина! – одернула ее заведующая строго. Уборщица еще побормотала и затихла.

Заведующая оглядела свое «бабье царство» сначала поверх очков, спустив их на кончик носа, а потом снизу, задрав их на лоб.

– Девушки, все по местам. На три минуты опаздываем.

В аптеке все без исключения именовались «девушками», даже бывшая кассирша Целя Израилевна.

Она состояла на пенсии последние лет тридцать и работала фасовщицей, потому что жить без аптеки не могла. Ей было лет сто или двести, и она имела привычку время от времени спрашивать у всех, помнят ли они, как в Москву приезжала Айседора Дункан и «прелестно, прелестно» танцевала.

Все мялись и от прямого ответа уклонялись, потому что, в случае если кто Айседору Дункан в Москве не видел, Целя Израилевна пускалась в рассказы, которым не было конца. Подчас не было и начала, но ее это не смущало. При этом она нещадно курила, напоминая собой Фаину Раневскую из фильма «Свадьба», и пряталась от заведующей, которую, по ее словам, помнила «еще ма-аленькой девочкой».

«Маленькая девочка» – заведующая – с куревом всех нещадно гоняла, презирала и строгим голосом говорила, что «медицинский работник не может себе позволить такие безобразные безобразия».

– Коржикова, переодевайся, и на рабочее место, – строго сказала заведующая. – Лидия Андреевна, открывайте. Вон уже первые посетители! – и она кивнула за стеклянную дверь.

Все оглянулись. За дверью действительно маячили две тени. Эти тени – два старика из соседнего дома – приходили каждый день в одно и то же время, к открытию. Они покупали по очереди – валидол и «таблетированную валериану». Должно быть, у них был строгий график, кто из них что именно сегодня покупает. Ни на что другое у них не хватало денег, и они приходили «общаться», а валидол с валерианой покупали «из вежливости». Им казалось, что если они покупают, значит, у них есть дело, не просто так они таскаются и занятых людей от работы отвлекают. Аптечные «девушки» жалели и любили их, особенно Целя Израилевна, которая рассказывала им, какой дивный магазин «Пуговицы» стоял на том самом месте, где нынче построили гостиницу «Минск». Впрочем, старики были ненавязчивы и интеллигентны, особенно никому не досаждали, и, если «девушкам» было не до них, они мирно сидели на диванчике под раскидистой пальмой с жесткими листьями, которые каждый день протирали тряпочкой уборщица Нина. Вставала на табуреточку и протирала, листик за листиком. Варвара Алексеевна, заведующая, была большой поборницей чистоты.

– По местам, – как капитан на мостике, скомандовала Варвара Алексеевна, – рабочий день начинается.

Анфиса помчалась переодеваться, очень отчетливо осознав, что команда адресована лично ей.

В раздевалке у нее был самый крайний шкафчик, доставшийся ей по наследству от Клары Ковалевой, которая год назад ушла в декрет. Клару в аптеке любили, вспоминали и из уст в уста передавали всем, кто только желал слушать, историю ее жизни. Как в детдоме выросла, как потом в фарминституте выучилась, как оказалась она богатой наследницей, как маньяк полоумный ее чуть не убил, а майор Ларионов спас, а потом женился...

Анфиса знала историю наизусть, но все равно всегда слушала, а в той части, где речь шла о «богатой наследнице», – особенно внимательно.

Анфиса стянула клетчатый пиджачок, сунула его в шкафчик и выхватила халат, хрусткий и переливающийся от избытка крахмала. Заведующая любила только такие халаты, и в пра-

чечной, куда сдавали аптечное белье, все об этом знали, потому что прачечная существовала столько же, сколько и аптека, – наверное, с начала прошлого века.

Анфиса пристроила на короткие волосы легкий белый колпачок, глянула на себя в зеркало и побежала к двери, но вдруг остановилась, вернулась и вновь распахнула шкафчик.

Нужно перевесить пиджак. Конспирация, к которой она давно привыкла, иногда вдруг начинала давать сбои. Какая, к черту, конспирация, когда все вокруг давно стали своими, а она ведет себя с ними, как с врагами!

Но изменить ничего было нельзя, по крайней мере пока, и Анфиса Коржикова прекрасно это понимала.

На пиджачке, под самым воротником, пришита приметная этикеточка одной известной французской фирмы, и именно ее следовало спрятать от посторонних глаз. Эти самые глаза могли быть только у уборщицы Нины, которая иногда, как бы по ошибке, заглядывала в чужие шкафы, и хотя вряд ли она знала, что это за фирма, все равно нужно быть осторожной.

Анфиса завернула пиджачок так, чтобы этикетку никто не увидел, туфельки тоже задвинула подальше и по длинному и чистому коридору, застланному линолеумом и освещенному ровным аптечным светом, побежала в торговый зал.

В коридоре было множество дверей, и на каждой своя табличка. На одной красовалось загадочное слово «Материальная», на другой грозная надпись: «Перед тем, как вымыть руки, не забудь снять халат», на третьей нарисована рюмка и куриная нога, сопровождавшиеся скромной надписью: «Столовая». Рюмку с ногой придумала Анфиса – шалила, – а нарисовал на компьютере талантливый программист Славик, подрабатывающий в аптеке составлением лекарственных таблиц и ведомостей. И Славику, и Анфисе казалось, что это очень остроумно, а заведующая не возражала.

Анфиса уже почти выскочила в торговый зал, когда в кармане халата у нее зазвонил телефон. Звонить ей в такое время мог только один человек.

Этот самый человек и звонил, поняла Анфиса, взглянув на высветившуюся в окошке надпись.

– Привет, бабуль.

– Здравствуй, моя дорогая. Ты уже открыла свою аптеку?

– Бабуля, ты же знаешь, что аптеку открываю не я! Ее открывает всегда Лида!

– Ну и что?! – фыркнула бабушка. – Церемония поднятия флага уже состоялась?

Бабушка всегда так выражалась – чуть более сложно и витиевато, чем все обыкновенные люди.

– Состоялась, состоялась, – поспешно согласилась в трубку Анфиса, прикрывая ее рукой, – я сейчас говорить не могу, бабуль, мне работать нужно. Я опоздала.

– Почему?!

– В пробку попала, – прошептала внучка, – на Триумфальной. Я тебе потом позвоню, хорошо?

– Не потом, а сейчас, – отрезала бабушка. – Ты помнишь историю про собаку Баскервиль?

Анфиса насторожилась так, что даже ладошку убрала, которой прикрывала телефон. С бабушкой следовало держать ухо востро – чуть зазеваешься, упустишь, и потом ни за что не догонишь, вот такая у нее бабушка!..

– Бабуля, ты о чем? Если о старике Конан Дойле, то помню. Что это ты вдруг про него вспомнила?

– Да я не вдруг и не вспомнила, а у Петра Мартыновича на участке собака Баскервиль завелась.

Петром Мартыновичем звали соседа, с которым бабушка никогда не дружила и отчасти даже презирала его, потому что сосед, по ее словам, был «бестолочью» – забор с его стороны

участка давно упал бы, если бы не Юра, который ведал в бабушкиной усадьбе всеми хозяйственными вопросами. Соседские собаки через дырки все в том же заборе лезли на усадьбу и вытапывали ирисы. По весне сосед разводил в старой детской ванночке «гуано», которое воняло так, что со всех помоек слетались тучи проснувшихся раздраженных мух. Марфа Васильевна, Анфисина бабушка, в тот угол усадьбы, ближе к которому располагалось «гуано», старалась не заходить, туда направлялся Юра, перелезал через забор и отволакивал ванночку подальше. Сосед неизменно притаскивал ее обратно и устанавливал на место с мстительным и озабоченным видом. На участке у него, по бабушкиным словам, все равно ничего путного не росло. Путного – это значит ни цветов, ни травы, ни мелких белых роз, которые она обожала. Картошку и «помидорья», как это называлось на бабушкином языке, она не признавала. Сосед же считал Марфу Васильевну «барыней» и белоручкой, и эта война продолжалась столько, сколько Анфиса себя помнила.

Откуда он вдруг взялся, этот Петр Мартынович, что это бабушка решила о нем заботиться?!

– Коржикова, ты что на рабочее место не идешь?! Народу уже полно, там Татьяна Семеновна одна пропадает!

– Иду-иду!.. – Анфиса поглубже задвинулась в угол со своим телефоном. – Бабуль, я не могу! Ты мне вечером все расскажешь, хорошо? Особенно то, что касается собаки Баскервилей!

– Ты вечером собираешься к нам? – осведомилась бабушка.

– Собираюсь. Я приеду, и мы с тобой все обсудим, ладненько?

– Я терпеть не могу этого слова, – отрезала далекая бабушка. – Говори правильно, ты же не водопроводчик!

Кроме «ладненько», бабушка еще не признавала слов «кушать», «тепленький» и всякое такое. В бабушкином понимании все, кто употреблял вышеупомянутые слова, годились разве что в водопроводчики.

– Хорошо, я не буду. Но мы сможем поговорить только вечером.

Бабушка помолчала.

– Ну?

– Что? – нетерпеливо спросила Анфиса.

– Больше ничего?

Внучка лихорадочно соображала, чего же больше.

– Больше ничего. Бабуль, я вечером приеду, и ты мне расскажешь.

– В таком случае, не приезжай.

– Почему?! – простонала Анфиса. – Почему не приезжать?!

Бабушка помолчала. Как пить дать, затянулась сигаретой. Анфиса представила, как она сидит, положив ногу на ногу, и покачивается в кресле. Бабушка любила кресла-качалки не потому, что в них удобно «валяться», а потому, что можно «баловаться» – качаться, отталкиваться ногой, смотреть, как появляется и пропадает в зеркале собственное отражение.

– Ты сегодня до шести или до десяти?

– До десяти.

– Прямо с работы поедешь?

– Да.

– А на чем?

– Бабушка! Ну какая разница?!

– Большая.

– Бабуль, я уже взрослая девочка.

– Раз ты такая взрослая, можешь не приезжать.

– Бабушка! Ну что такое!

– Я не хочу, чтобы ты шла со станции одна в темноте!

– С чего ты взяла, что я пойду со станции?!

– Не морочь мне голову, – отрезала Марфа Васильевна. – Ключ от ворот у нас один. В одиннадцать часов я смотрю новости. Ты работаешь до десяти, значит, на машине приедешь как раз в одиннадцать. Ты знаешь, что я не люблю, когда мне мешают смотреть, и не попросила меня заранее открыть ворота. Значит, собираешься ехать на электричке и зайдешь в калитку на той стороне. И думать не смей. Лучше не приезжай.

– Бабушка!

– Вы все надеетесь, что я скоро выживу из ума, а я все никак. Я не разрешаю тебе идти в темноте одной. Юра тебя встретит.

– Хорошо, я приеду на машине.

– Смотри, а то я не усну!.. Или Юру отправлю.

– Не надо, – взмолилась Анфиса. Она не любила, когда Юра ее встречал. – Я приеду на машине, обещаю тебе.

– Но ведь собиралась на электричке? – ехидно осведомилась бабушка и, судя по звукам, перестала качаться туда-сюда в своем кресле. – Надуть меня хотела?..

Анфисе пришлось сознаться, что да, собиралась, и следом за признанием немедленно услышала вопрос, что у нее с машиной. И еще некоторое время пришлось объяснять, что с машиной ничего такого, просто сегодня она осталась в очень неудобном месте, потому что на Садовом были пробки, а Анфиса торопилась.

Анфиса говорила и прислушивалась к шуму аптечного зала за белой перегородкой. Мимо проплыла Лида, посмотрела неодобрительно. Потом, громко топая, промчалась Наталья Завьялова и на ходу улыбнулась Анфисе. Короткие черные кудри торчали в разные стороны из-под белой аптечной шапочки. Анфиса улыбнулась ей в ответ.

– Что вам выписали? – громко спросила вдалеке заведующая Варвара Алексеевна. Анфиса со своим телефоном чувствовала себя исключенной из утренней жизни, с каждой минутой набирающей обороты. – Татьяна Семеновна, посмотрите, что у больного с рецептом!

– Бабушка, все, я правда больше не могу. Я должна бежать.

Она сунула телефон в карман халата, поправила пояс, чтобы выглядеть безупречно, и за высокими белыми стойками пробежала на свое место.

Заведующая Варвара Алексеевна, втолковывавшая что-то худой и нескладной тетке, похожей на старую лошадь, покосилась на нее.

Заметила, поняла Анфиса. Все заметила. Теперь обязательно припомнит.

Как только она оказалась за чистым стеклом, в окошко сразу сунулся заморенного вида мужичок в брезентовой куртке.

– Мне бы, дамочка, чего-нибудь от кашля. Мучает, проклятый!

И, словно боясь, что ему не поверят, он несколько раз конфузливо кашлянул. Анфиса задумчиво его изучила. Предлагать ему новомодное средство за триста пятьдесят семь рублей не имело никакого смысла.

– Курите? – лекарским тоном спросила Анфиса у мужичонки, выдвигая ящик.

– Курю, дамочка, – покаялся мужичонка, – куда нам без курева, нам без курева никуда...

– Бросить надо, – посоветовала Анфиса, – вредно очень.

– Да мы знаем, знаем мы, – забормотал мужичонка виновато, – и в телевизоре, и везде... Мы же слушаем, в газетах тоже.... Не на деревне живем.... Бросать надо... а так... с утра не покуримши... как же...

Анфиса выложила на сверкающий прилавок ленту таблеток, подумала и достала еще коробочку мятных пастилок.

– Возьмите еще эти, они недорогие, но горло хорошо смягчают.

Мужичонка закивал, достал заскорузлой рукой несколько мятых десяток, сунул в окошко, аккуратно собрал сдачу, а лекарства затолкал во внутренний карман.

Следующей была молодая женщина с коляской, в которой подпрыгивал жизнерадостный розовощекий малыш, тряс погремушку и жмурился. Этим было нужно очень много всего – и витамины, и масло, и носовые платки, и зубную пасту.

Анфиса возилась с ними долго и весело.

Им было радостно покупать и бить в погремушку, а Анфисе радостно продавать. Она продала все, что им требовалось, и еще вдобавок хорошенькую бутылочку для сока с двумя ручками из яркой пластмассы, чтобы мальчик – такой великан! – мог сам ее держать, и еще некое приспособление для прорезывания зубов.

Анфиса советовала, а покупательница оценивала и прикидывала, и отчего-то они обе чувствовали себя заговорщицами.

Потом покупатели пошли безостановочно, и только в двенадцать Анфисе удалось выпить чашку чаю. Чай пили на беленькой кухне с нарисованными на двери куриной ногой и рюмкой. К чаю ничего не предполагалось, кроме маленькой шоколадки, и Анфиса загрустила было, но прибежала запыхавшаяся Наталья, сразу же сорвала с кудрей шапочку, швырнула ее на стул и немедленно полезла в холодильник.

– Хочешь колбасы? «Докторской»?

Анфиса немедленно согласилась, и Наталья соорудила ей бутерброд, какие умела сооружать только она, – толстый кусок свежего черного хлеба, очень толстый кусок «Докторской» колбасы и свежий огурец сверху. Круглую мягкую, как будто вздыхающую черную коврижку она каждый день привозила из своего пригорода, и все аптечные «девушки» отрезали от нее по куску к обеду.

Анфиса всегда ленилась себе готовить и ела большей частью, только когда приезжала в Аксаково, к бабушке, где вечная и неизменная домработница Клавдия всегда подавала «полноценный обед», как это называлось в семье. Зато Наталья поесть обожала – и одна, и в компании – и Анфису угощала.

При этом Наталья страшно расстраивалась, что «такая толстая», и завидовала Анфисе, которая была «прелесть какая тоненькая».

Аптечный остряк программист Славик называл их «толстый и тонкий», демонстрируя таким образом не только остроумие, но и знание классической русской литературы, полученное в средней школе.

Остроумие Славика не мешало Анфисе с Натальей дружить, хотя даже ее Анфиса не могла посвятить в свои тайны. Единственное, что было известно подруге, это что у Анфисы богатая бабушка, живущая где-то за городом.

– Вкусно, – с набитым ртом сказала Наталья, – ужас как вкусно! Вот скажи мне, почему все, что вкусно, вредно, а все, что полезно, – невкусно? Чайку налить еще?

– Сиди, я сама налью.

Наталья со всех сторон любовно осмотрела бутерброд, улыбнулась ему и еще раз откусила.

– У меня к чаю шоколадка есть, – похвасталась Анфиса. – Съедем?

– Калорий больно много. И вообще сейчас пост. Я в прошлом году на посту сидела, пять килограмм скинула.

– Так нельзя говорить, – сказала Анфиса серьезно. – Ты же образованная, Наталья! Что это значит – на посту сидела! Ты что, милиционер?

– Почему милиционер, я не милиционер, – быстро отказалась Наталья, – а только когда пост...

– Ну, так и говори – соблюдала пост, а не на посту сидела! – Тьфу ты! – обиделась Наталья. – А я-то решила, что...

– Сидеть можно на диете, – перебила Анфиса, – а пост надо соблюдать.

– Ну ладно, ладно, вот в прошлом году я соблюдала и на пять кило похудела! В этом году тоже собиралась, только Витя мне сказал, что если я ему опять ни разу котлет не пожарю и он всю весну всухомятку...

Анфиса почти не слушала.

Наталиного Витьку она терпеть не могла, чего никогда не скрывала. Бабушка Марфа Васильевна даже определение вывела для такой породы мужчин.

Порода называлась «никчемушник» – потому что ни к чему не нужен. Бабушка их терпеть не могла и всегда говорила, что эта порода получила особенное распространение в последнее время, как декоративные собачки.

«Никчемушник» Виктор ничем особенным не был занят на работе, ничем особенным не был занят после работы, как, впрочем, и по выходным и праздникам. Свой драндулет он чинил лениво и неохотно, и посему драндулет также лениво и неохотно ездил. Наталье приходилось все время уговаривать «никчемушника», чтобы он заехал за ней на работу, особенно во вторую смену, когда аптека закрывалась в десять, а идти по московским подворотням до троллейбуса или метро было страшно. По магазинам он ходил тоже неохотно, объяснял это тем, что к магазинам он «не приспособлен», жарко ему там и вообще как-то нехорошо делается. Поэтому Наталья таскалась на троллейбусе с сумками – приспособлен или не приспособлен, а поесть «никчемушник» очень любил и обижался, когда ему ничего не давали или давали что-то не то.

Помимо прочих прелестей, существовала еще «никчемушникова» мама, которая объясняла сыночку, что для такой простой девки, как Наталья, он просто подарок судьбы и надо хорошенько подумать, стоит на ней жениться или не стоит. Такого принца еще поискать, а Наталья кто такая? Да никто, провизорша в аптеке, восемь тысяч получает!..

О том, что сам «никчемушник» ударно зарабатывает три, мама скромно умалчивала.

– ...а я ему на это говорю: Витюш, ну что ты все лежишь да лежишь, давай сходим куда-нибудь, в бильярд, хочешь, поиграем, ты же любишь в бильярд! А он мне на это – никуда я не пойду, одеваться надо, да и вообще у меня машина вся разобрана, мне бы в гараж. А я знаю этот гараж!.. Машину не соберет, только придет на рогах, а он когда на рогах...

– Наташка, – серьезно сказала Анфиса, – тебе его надо срочно бросить. Знаешь, как это называется?

– Что? – перепугалась Наталья и от испуга откусила слишком большой кусок. Щека у нее оттопырилась.

– Ну вот это все, чем ты занимаешься со своим Виктором?

– А что?

– Да ничего!

– И как это называется?

– Мазохизм, вот как. Медицинский термин.

– Да ну тебя, Анфиска, – возмутилась Наталья и захлебнула бутерброд чаем. Чай был горячий и сладкий, и она от удовольствия зажмурилась и еще посмотрела в кружку, сколько там осталось. Осталось довольно много, значит, пока можно не спешить.

– Тебе хорошо говорить, ты вон какая красивая! И машину водишь, и самостоятельная такая...

– Наташ, при чем тут моя машина? Ну и ты научись машину водить, и тоже будешь самостоятельная.

– Да ладно! Где я ее возьму, машину-то? Зачем мне учиться, если ее у меня все равно никогда не будет?

– Да почему не будет? Или у Виктора возьми, у него же есть!

– Так он мне ее и дал! Ни за что не даст!

– Брось ты его, – повторила Анфиса, – на что он тебе нужен? Ухаживать за ним всю оставшуюся жизнь?! Вот радость какая.

– Да тебе, может, и никакой, а мне радость.

– Ну а тебе какая радость?

– Он на мне женится, вот какая.

– И дальше что?

– Что?

– Будет всю оставшуюся жизнь на диване лежать, а ты ему котлеты жарить?! Он же ничего не умеет, и не выйдет из него ничего и никогда!

– А может, меня больше замуж никто не возьмет! – крикнула Наталья страстно. – И что мне тогда?! Вон как Лена Андреева, до сорока лет в девках, а потом в старухах?! Не хочу я так. Я хочу, чтобы у меня дом был, и дети, и муж!..

– Даже такой?

– А чем он хуже других? Пить – не пьет особенно, машина у него, мама с папой опять же, если с детьми пересидеть или что там...

– Ну понятно, – вздохнув, заключила Анфиса. Этому спору не было ни начала, ни конца, и он мог продолжаться сколько угодно. – Значит, поженитесь и через год разведетесь, ты останешься с ребенком, а он с машиной, мамой и папой.

– Хорошо тебе говорить, ты вон какая красивая... – опять заскулила Наталья. – А я?! Кому я нужна такая?!

– Ты очень красивая, – упрямо сказала Анфиса. – Просто очень.

– Ну да, – кивнула Наталья и выразительно потрясла бюстом. – Сказать, какой у меня номер лифчика, или не говорить?

– Иди ты со своим номером и лифчиком!

– У меня номер F. Сначала идут А, В, С, D, а потом только F! И обувь у меня сорокового размера!

– Ну и что?

– А то, что я, корова такая, ни разу в жизни ни с кем даже на танцы не ходила, потому что меня не приглашал никто! И что Витька меня любит – это редкость большая и удача!

Дверь распахнулась и на пороге показалась заведующая, как всегда собранная, элегантная, с пучком и в очках.

– Девушки, – сказала она довольно строго, – про ваши лифчики уже знают все сотрудники, но клиентов лучше пока не оповещать.

– Простите, – пробормотала совершенно пунцовая Наталья, – простите, Варвара Алексеевна.

– А замуж выходить только потому, что берет, и впрямь не стоит, – не меняя тона, продолжала заведующая. – Потом не отделаешься.

– Да меня никто и не берет пока, – пробормотала несчастная Наталья.

– Вот и хорошо, – заключила заведующая и добавила озабоченно: – А плохо то, что договоры у меня со стола пропали, и найти их не могу. Анфиса, ты не брала?

Анфиса чуть не поперхнулась своим чаем.

Заведующую, несмотря на все ее строгости и чудачества, все очень любили и старались никогда не подводить.

– Н-нет, Варвара Алексеевна, я не брала. А что за договоры?

– Да с фирмами! – сказала заведующая с досадой. – Целая пачка! Только вчера все выложила, отчетность надо сдавать, конец месяца, и нет договоров! Коржикова, ты в торговый зал когда вернешься, попроси Татьяну Семеновну ко мне зайти, может, она взяла?

Татьяна Семеновна была одной из ее заместительниц.

– Хорошо, – кивнула Анфиса, намереваясь немедленно бежать, – обязательно.

– Ты допивай, допивай спокойно, – хладнокровно посоветовала заведующая. – Не лети. И про лифчики можете продолжать, но потише только.

И дверь за ней закрылась.

– Вот, все из-за тебя, – зашипела Наталья, – вечно так!.. Неудобно ужасно.

– Ничего, нормально, – тоже шепотом отвечала Анфиса, хоть и чувствовала себя неловко.

Наталья одернула на себе халат, с отвращением оглядела свою грудь и попыталась заткнуть ее за край стола. Грудь туда никак не умещалась, и Наталья сильно сгорбилась.

– Распрямись, – велела бесчувственная Анфиса. У нее-то грудь была в полном порядке, маленькая, аккуратненькая, загляденье просто!

– Не распрямлюсь, – мрачно отрезала Наталья.

Бутерброда ей больше не хотелось, а съеденный кусок давил на желудок стыдной тяжестью. Зачем она опять так налопалась?! Пусть бы Анфиса ела, а ей зачем?

Два листика салата, мелко нашинкованная капуста, полторы ложки тертой моркови, все заправить оливковым маслом холодного отжима, выложить на тарелку, украсить веточкой укропа и зонтиком петрушки. Есть медленно, как бы нехотя.

Впрочем, кто же такую красоту добровольно захочет есть?!

Неожиданно Наталья вспомнила, что есть же волшебное средство! Еще не все потеряно, ура!..

– Анфис, а «Ксеникал» вчера привезли?

– Вроде привезли.

– Вроде или точно привезли?

– Да не я товар принимала!

– А кто принимал?

– А Наталь Иванна принимала!

– Ах ты господи, – озабоченно сказала Наталья, – побегу узнаю.

– Да привезли, Наташ, – успокоила ее Анфиса, – мы же заказывали. Я сама и заказывала. А раз заказали, значит, привезли. Там на коробках должно быть написано «Хоффманн – Ля Рош».

Так красиво и очень «загранично» называлась фирма, которая производила волшебный препарат «Ксеникал».

– Знаешь, как я от него худею? – заговорщицким полусшепотом спросила Наталья, как будто вокруг стояли толпы конкурентов, мечтающих наброситься на «Ксеникал» и отобрать у Натальи надежду на похудение. – Прямо ужас один! Вот наешься, а потом надо только одну таблеточку – заесть, – и жир не усваивается!

– Неужели?

– Точно тебе говорю. Только одну таблеточку, и...

– Что?

Наталья перестала заправлять бюст за столешницу, нагнулась к Анфисе и зашептала. Анфиса внимательно слушала.

– Да ну?

– Точно тебе говорю, – истово повторила Наталья, – все проверено! А худеешь, словно с тебя ножом срезают! Я сегодня две упаковки возьму. Хоть без наценки.

– Так он рецептурный, – припомнила Анфиса. – Или у тебя рецепт есть?

– Выписала. Специально к эндокринологу сходила и выписала. Он даже удивился: «... надо же, какой пациент грамотный пошел – с врачом консультируется, вес снижает по швейцарской системе, в общем, все по-научному!» А я ему говорю: «Михаил Семенович, а как же иначе! Ведь хочется и здоровье сохранить, и красивой стать! А тут без „Ксеникала“ не обойтись...» А он мне...

Дверь распахнулась, и в проеме появилась та самая Наталья Ивановна, вторая заместительница заведующей, что вчера принимала товар. – Приятного аппетита, девочки. Чайник горячий?

– Только вскипел.

– Вот и хорошо.

Заместительница полезла в холодильник, долго там шуровала и вылезла с трофеем – объемистым кульком, в котором было что-то круглое и что-то длинное. Она быстро распотрошила кулек – круглое оказалось хурмой, очень размякшей, а длинное банкой с гречкой. Сверху гречка была приплюснута котлетами. Наталья Ивановна открутила крышку и стала искать сковородку – разогревать. Анфиса деликатно сунула нос в воротник своего халата и посмотрела на Наталью. Та усердно прихлебывала чай.

Они переглянулись и заторопились – из-за котлет.

Почему-то холодные котлеты пахнут исключительно неприлично.

– А договоры-то Варвара Алексеевна не нашла, – сообщила заместительница, вываливая на сковородку гречнево-котлетную массу, – как в воду канули.

– Найдутся, – безмятежно махнула рукой Завьялова, – хотите хлебушка, Наталья Ивановна? Отрезайте!

– Уж отрежу, спасибо тебе! Так я этот хлеб люблю, который у вас в Жуковском пекут, сил нет.

– А куда могли договоры деться? – сама у себя задумчиво спросила Анфиса. – Может, она их домой забрала? Забрала и забыла!

– Да ладно тебе, Анфис, – энергично сказала заместительница, помешивая в сковородке свою бурю массу, – когда это мы из аптеки документы забираем?! Что нам с ними дома-то делать? Мы ведь не ученые-физики и не адвокаты, мы на дом работу не берем!

– Найдутся, никуда не денутся! – Наталья ополоснула чашки – свою и Анфисину, – сунула их на полку и покосилась на котлеты. Они уже не воняли так оглушительно, но выглядели не слишком аппетитно.

– Анфис, ты идешь?

– Иду-иду.

Длинным и чистым коридором они пошли к торговому залу. Лампы сияли, отмытый линолеум сверкал, и сильно пахло лекарствами. По дороге им попала магазинная тележка, доверху наполненная яркими коробочками.

– Вот прокладки стали делать, – на ухо Анфисе пробасила Наталья, – как будто это не прокладки, а карамель в пакетиках. А помнишь вату по сорок две копейки – дефицит!

Анфиса кивнула. Вату она помнила и всегда безудержно радовалась, что, как говорила бабушка, «прошли те времена». Вообще-то, никаких стенаний насчет «трудностей жизни» бабушка не признавала и считала, что если у человека есть руки, ноги и голова, то никаких таких неразрешимых проблем быть не может, все лень и глупость людская. Анфиса не всегда с ней соглашалась. Взять хоть вату, к примеру. Вот если ее в аптеке не продают, то где ее взять, даже если у тебя есть руки, ноги и голова?! Персональное хлопковое поле, что ли, завести, для личного пользования?

В торговом зале было многолюдно, но большинство посетителей пока просто глазели, и очередей не было. Вот и отлично.

Анфиса протиснулась к своему прилавку, захлопнула дверцу шкафа, поправила плакат в рамочке, призывавший после сорока лет принимать кальций, кивнула Оксане, которая, наверное, совсем замучилась в ожидании, когда ее отпустят пить чай, переложила рецепты слева направо и глянула в окно.

В узком и тесном Воротниковском переулке по вчерашним лужам скакало солнце, брыкалось, попадало на стекла кривобоких особнячков, еще не прикупленных богатыми дядень-

ками, а потому облупленных, кое-как подлатанных, за низенькими изломанными решетками. Кое-где решетки покосились и «порвались», торчали гнутые кованые прутья.

Анфиса вздохнула. Она очень любила Воротниковский переулок.

– Может, мы им окна помоем? – предложил рядом ехидный голос заведующей. Анфиса от неожиданности чуть не свалила локтем какие-то пузырьки со стойки.

– Кому, Варвара Алексеевна?

– Да соседям! – Заведующая перебирала бумаги, которые вытащила из тумбочки, и мельком глянула на Анфису поверх очков. – Смотри, окна какие грязные! Наверное, с тех самых пор не мыли, как Айседора Дункан приезжала и танцевала в магазине «Пуговицы».

Анфиса хихикнула.

– Что за хозяева! – бормотала заведующая, опять углубившись в свои бумаги. – Горе, а не хозяева! Ты бы сказала Наталь Иванне, Анфиса, что нам тоже на следующей неделе надо окна помыть. До праздников рукой подать. И рекламу, рекламу повесить, чтоб ей пропасть!..

– Что вы ищете, Варвара Алексеевна? Может, я помогу?

– Договоры! – в сердцах выговорила заведующая и переложила последнюю пачку. – Мы тоже хозяева – дай бог! У нас документы из-под носа пропадают, финансовые, а мы их найти не можем!..

– А... где они были?

– Господи, они всегда на одном месте лежат! – ответила заведующая нетерпеливо. – У меня в кабинете, где же еще! В кабинете, на столе, справа!

По тому, как она говорила, Анфиса поняла – не только озабочена, но и встревожена.

– А... никто их не брал, вы у всех спросили?

– Кто у нас в аптеке сыщик-любитель? – негромко спросила заведующая и снова взглянула на нее, на этот раз внимательно. – Если сами не найдем, придется в милицию звонить, ты это понимаешь?

Анфиса кивнула.

– Значит, надо искать.

Анфиса снова кивнула.

– Если ничего не выйдет, придется аптеку закрывать. А это форсмажор на весь район. И так вчера из управы телефонограмму прислали, что мы все майские праздники дежури́м, а тут мы ни с того ни с сего на полдня закроемся!..

Они помолчали.

– Все, Анфис. Рабочий день в разгаре. И больной тебя ждет.

Анфиса встрепенулась. За чистым стеклом, отделявшим ее от торгового зала, покачивался сказочный красавец в длинном пальто нараспашку. Он на самом деле покачивался, сунув руки в карманы, и лицо его выражало смесь безразличия, раздражения и страдания.

Заведующая кивнула – давай, мол, работай! – и удалилась.

– Что бы вы хотели?

Красавец секунду помолчал, как бы оценивая Анфисину любезность.

– На самом деле больше всего я хотел бы умереть, девушка.

– Боюсь, что в этом я ничем не могу вам помочь. Мы, российские медики, принципиально против суицида!

Красавец дико на нее взглянул. Как видно, оценить Анфисин юмор по достоинству вот так, с ходу, он не смог из-за своего болезненного состояния. Он хищно шмыгнул своим безупречным носом, моргнул, собрался было что-то сказать, но сморщился и чихнул.

– Вы простужены? Хотите чего-нибудь жаропонижающего, да?

– Я не простужен. И больше всего я хочу умереть. По-прежнему.

Анфиса вежливо смотрела на него.

Он покачивался с пяток на носки и не вынимал рук из карманов.

– У меня аллергия, – признался он наконец, – утром началась. Дайте мне чего-нибудь.

– А что вы принимаете обычно?

Красавец произнес название допотопного лекарства от аллергии.

– Как?! – поразились Анфиса, словно он признался, что принимает от аллергии морилку, настоящую на сушеных клопах.

Он перестал шмыгать, полез в карман и достал снежной белизны платок, который и прижал к своему многострадальному носу.

– А что такое? Чем вы так потрясены, девушка?

Анфиса пожала плечами:

– Да нет. Это очень старый препарат, и не всем подходит. И седативный эффект опять же. А кто вам его рекомендовал?..

Красавец утер нос, еще раз напоследок им шмыгнул и с некоторой натугой принял выскомерный вид.

– Мой аллерголог, разумеется.

– Вот попробуйте «Кларитин», он очень быстро снимает аллергию, и без ненужного снотворного эффекта.

– Девушка, – простонал красавец, занавесившись платком окончательно, – я вас умоляю!.. Ну что вы понимаете?! Мне мой аллерголог всегда...

– А вдруг он ошибается? – простодушно осведомилась Анфиса и пододвинула на прилавке упаковку таблеток в сторону страдающего красавца.

– Мой врач ошибается?!.. – поразились красавец и щелчком отфутболил упаковку обратно. – Да мне анализы в Лондоне делали!..

Анфиса вздохнула.

Ну конечно. Анализы в Лондоне – это великолепно. Почему не в Нью-Йорке? Лететь далеко? Не довезут? Первая свежесть будет утрачена?

Ах, сколько изумительных способов отъема денежных средств в рамках Уголовного кодекса было изобретено в последнее время! Такие, как этот мальчик, заработавшие свои денежки недавно и теперь прилежно выискивавшие, на что бы такое, правильное, их потратить, – самая лучшая и самая простодушная мишень для всякого рода проходимцев.

Бабушка Марфа Васильевна, покачиваясь в креслице и почитывая журналчик или поглядывая в телевизор, где показывали и описывали «новейшие технологии похудения» или прелести «SPA-комплексов», всегда говорила что-то вроде «на всякого мудреца довольно простоты».

На данного мудреца хватило самой простой простоты.

Не то чтобы Анфиса была очень в нем заинтересована, но ей вдруг захотелось поэкспериментировать.

Так сказать, проверить себя на сообразительность.

А последняя задача, как говаривала математичка, на смекалку!

– Вы знаете, – доверительно сообщила она и даже посмотрела по сторонам, как бы давая понять красавцу, что боится подслушивания. Наталья из-за соседнего прилавка мельком глянула на нее, отвернувшись к своему покупателю, а потом уставилась пристально, сообразив, что Коржикова начала «резвиться». – Вы знаете, этот препарат мы только что получили. Вот... утром буквально. У нас его постоянно покупает Ирина Буфер, понимаете?

Продолжая игру, Анфиса понизила голос до заговорщицкого шепота, призывая тем самым красавца сунуть ухо почти в окошко. Он не хотел совать, и Анфиса отлично видела его колебания, но сознательно говорила очень тихо.

Уловив аристократическую фамилию Буфер, клиент дрогнул лицом, даже как будто тоже оглянулся и приблизил ухо к пластмассовой арочке, для чего ему пришлось несколько ссу-

тулить безупречные кашемировые плечи. Ссутулившись, он моментально утратил весь свой величественный вид.

– А... Ирина Буфер – ваша клиентка? – спросил он негромко.

Готово дело! Заговор состоялся. Доверчивый кролик пошел в мешок. Сейчас ловкий охотник выбьет колышек и затянет петлю покрепче!

– Да, – подтвердила Анфиса, – у них же здесь рядом салон. Вы что, не знаете?

Ирина Буфер содержала сеть тренажерных залов и салонов красоты для «самых-самых». Очевидно, кролик решил, что он должен бы знать о салоне поблизости и незнание выдаст его недостаточную осведомленность, а значит, недостаточную вовлеченность в жизнь «больших».

– И... сама Буфер к вам приходит? И покупает препараты?

– Да! – заверила его Анфиса горячим шепотом, словно вступала в комсомол и обещала служить делу Ленина.

Наталья за соседним столиком пробила чек толстой пергидрольной тетке с красным лицом, по виду уличной торговке, отпустила лекарство, быстро подошла к шкафчику с желудочными средствами и полезла в него. Шкафчик располагался на границе Анфисиных и Натальиных владений, и из-за него было лучше слышно.

– Так будете брать или нет? – продолжала «резвиться» Коржикова. – Но если вам нужно непременно посоветоваться с доктором, конечно, посоветуйтесь!

– С доктором? – с сомнением переспросил красавец. Он уже очень верил в чудо-препарат, который покупает сама Ирина Буфер!

– Да, – подхватила Анфиса простодушно. – Потому что если у вашего врача концепция медикаментозного лечения аллергических ринитов другая, то я не могу вам этот рекомендовать! Да и «Кларитина» у меня осталось мало...

Наталья Завьялова неловко вылезла из-за шкафа, едва протиснувшись, так что зашатался чистый фикус, стоявший сверху, вытянула полную ручку и прихлопнула дверцу. За дверцей располагалась плотная батарея чудодейственного препарата.

– Я возьму, пожалуй, – пробормотал красавец и посмотрел просительно. – От того лекарства, что прописал мне врач, и вправду спать хочется...

Но Анфиса Коржикова еще не наигралась.

– Зря я вам его предложила, – она покачала головой, как бы сокрушаясь, выдвинула и задвинула ящик, словно проверяя, сколько там коробочек, и виновато подняла глаза, как бы удостоверившись, что коробочек мало. – И боюсь, Ирине не хватит...

– Девушка, ну вы же сами...

– А ваш доктор? Не станет возражать?

– Но если Буфер принимает!..

– Буфер принимает. Буфер все принимает на себя, – пробормотала Анфиса и, сжавшись, выбила наконец чек. Уборщица Нина, протиравшая фикус и замершая на табуретке, как соляной столб, тихонько вздохнула, нагнулась и прополоскала в ведре чистую тряпку.

Шоу подходило к концу.

– Спасибо вам, девушка, – прочувствованно поблагодарил красавец, не отрывая глаз от ее рук, пока Анфиса складывала коробочку и проспектик с полезной информацией о «Кларитине» в хрусткий зеленый пакетик.

Анфиса подала ему пакетик и глянула в окно.

– У вас какая машина?

Красавец моментально насторожился. Даже его кашемировое пальто насторожилось и приобрело официальный вид.

В конце концов, он просто разговорился у прилавка с простой аптекаршей! Она не должна интересоваться его машиной!..

– Что?..

– Какая у вас машина?..

– А вам зачем?

Анфиса щелкнула степлером, пристегивая чек к пакетику.

– По-моему, вы забыли поставить ее на «ручник».

– Что-о?!

Анфиса ловко сунула ему сверток, потянулась и повернула его лицом к окну. За чистым стеклом, вдоль залитого солнцем Воротниковского переулка, медленно разгоняясь, ползла шикарная иномарка, скатывалась с небольшой горки, на которой хозяин ее оставил.

– Черт побери, черт, черт!!!

Красавец рванулся к выходу, сметая все на своем пути. Взвизгнула полная дама, вооруженная дорогостоящим прибором для измерения давления и кружкой Эсмарха, именуемой в простонародье клизмой. Уборщица Нина уронила тряпку, которая гулко шлепнулась в ведро.

– Что ты ему сказала?!

– Ничего особенного. Сказала, что его машина вот-вот выедет на Садовое.

– Надо же! – басом сказала Наталья. – А как ты догадалась, что это его машина?

– По брелоку, который он постоянно крутил на пальце. Знаешь, бывают такие брелоки – с символикой фирм-производителей. Я просто предположила...

– А что с машиной, угнали, что ли?!

– Да не угнали! Он ее на той стороне поставил, а там же уклон, вот она и покатилась!

Наталья протопала к окну и наполовину высунулась в него, прикрываясь ладошкой от солнца. Рама гулко стукнула о решетку.

– Ой, девочки, догнал, догнал!.. Смотрите! – Она оглянулась, кудри торчали из-под шапочки, в глазах горел огонь.

– А бежит-то как, сердешный!..

– Так ему теперь еще дверь открыть надо!

– И сесть!..

– Да как ты в нее сядешь, когда она едет!

Красавец бежал, пальто развевалось, и казалось, что он мчится как ветер, хотя машина двигалась не слишком быстро. Лакированные ботинки разбрызгивали воду из сверкающих луж, и зрелище было радостным, праздничным.

Редкие прохожие останавливались на тротуарах и глазели ему вслед.

Подскочила Таня и тоже стала смотреть в другую створку. Нина раздвинула листья фикуса и уставилась в окно со своей стремянки. Полная дама с только что приобретенной в пользование кружкой Эсмарха шустро, но деликатно запихнула пакет в матерчатую сумку и просеменила на крыльцо. Аптечные старики, обсуждавшие на клеенчатой скамейке положение с банковской системой, приподнялись и вытянули тощие шеи. Молодой невзрачный мужчина, что-то покупавший, глянул искоса и опять уткнулся в свои рецепты.

– Девушки, у нас пожар? Мы эвакуируемся в окна?

Наталья оглянулась назад, смутилась и слезла с подоконника. В дверях, ведущих во внутренний аптечный коридор, стояла заведующая, смотрела поверх очков. И все ее боялись, знали, что, когда она смотрит из-под очков, значит, недовольна.

Она была довольно строгой, их заведующая.

– Завьялова, Наташа!

– Да, Варвара Алексеевна!

– Встань пока на место Коржиковой. Анфиса, а ты зайди ко мне.

Лида покачала головой и закатила глаза. Она всегда была на стороне начальства, даже когда начальству не требовалось, чтобы кто-то его поддерживал!

Анфиса сунула ручку в нагрудный карман, едва заметно пожала Наталье локоть и вышла из-за загородки. Заведующая откуда-то издалека громко распоряжалась относительно тележки с прокладками.

– Девушки! – доносился ее насмешливый голос. – У нас аптека, а не гинекологический кабинет для женщин-военнослужащих! Почему прокладки посреди коридора стоят уже полдня? Если мы не знаем, куда их деть, давайте не будем их заказывать и продавать не будем! Татьяна Семеновна, распорядитесь!

– Да-да, сейчас, Варвара Алексеевна.

– И зайдите ко мне! И Наталь Иванну позовите! Я в кабинете.

Анфиса быстро подошла и задвинула злополучную тележку в помещение с загадочным названием «Материальная», чтобы – боже упаси! – она не попала на глаза заведующей еще раз.

Бабушка, время от времени заезжавшая в аптеку, увидев это название, спрашивала: «Материальная» на месте, а где же «духовная»?

На этот вопрос никто не мог ответить толком.

В кабинете заведующая не села за стол, заваленный бумагами, и вошедшая Анфиса сразу поняла, что та нервничает.

Варвара Алексеевна захлопнула папку, которую все время держала на весу открытой, со стуком положила ее на стол. И строго посмотрела на Анфису.

– Анфиса, договоров нет. Я все обыскала. Нет.

Анфиса молчала. Пропажа договоров – серьезное дело.

В дверь постучали условным стуком, приоткрылась щель, и в нее всунулась голова Натальи Ивановны. На голове были кудри, а на носу очки.

– Заходи, Наталья Иванна! И дверь за собой прикрой получше.

В кабинете заведующей всегда было прохладно и сильно пахло лекарствами, хотя никаких медикаментов там никогда не хранилось. Анфисе нравился этот запах.

Он помнился ей с детства. Мама всегда так пахла – лекарствами. А еще она пахла чистой и иногда забиралась в узкую Анфисину кроватку, просто так, чтобы они могли полежать, обнявшись. Они обнимались, и Анфиса отпихивала любимого медведя, чтобы быть как можно ближе к матери, и слышала, как стучит ее сердце, как она дышит и улыбается.

Никогда потом Анфиса *не слышала*, как человек улыбается.

– Варвара Алексеевна, вызывали? А то время к обеду, у нас народу полно!

– Татьяна Семеновна, заходи. Там и без тебя справятся.

Заместительница вошла и закрыла дверь, за которой мелькнула вездесущая Лида, которая всегда стремилась быть как можно ближе к начальству, даже когда начальство в ней решительно не нуждалось.

– Договоров нет, мои дорогие, – сказала заведующая серьезно. – Обыскала все. Если Коржикова не найдет, придется милицию вызывать. Со служебно-розыскной собакой.

– Господи! – воскликнула Татьяна Семеновна.

– Еще не хватает – милицию с собакой! Антисанитария полная! – пробормотала Наталья Ивановна.

Анфиса молчала.

– Мы в последний раз милицию вызывали в аптеку в шестьдесят шестом году, когда у нас наркотики пропали.

– Боже мой, – пробормотала Татьяна Семеновна.

– Еще не хватает – опять вызывать! – возмущалась Наталья Ивановна.

Анфиса молчала.

– А если вызывать, аптеку закрывать придется. Скандал на весь округ! Мне только вчера в управе Виктор Семенович комплименты делал, что наша аптека как часы работает, а округ-то Центральный!

– Господи, помилуй, – пробормотала Татьяна Семеновна.

– С управой шутки плохи, – огорчилась Наталья Ивановна.

Анфиса молчала.

– Главное, они финансовые, договоры-то, – негромко продолжала заведующая, – а это дела серьезные. Там лекарств на великие тыщи! И никогда у нас договоры не пропадали, сколько лет мы по ним работаем!

Анфиса пальцем потрогала шпингалеты на окнах, передвинула цветочный горшок и, задрав голову, изучила форточку.

– Все было закрыто! – с нажимом сказала заведующая, заметив ее манипуляции. – Мы аптеку на охрану каждый вечер сдаем. И вчера сдавали. Кто сдавал вчера, Наталья Ивановна?

– Таня сдавала.

– Тимофеева?

– Тимофеева.

Заведующая прошла за свой стол и нажала кнопку на селекторе. Этим селектором аптека страшно гордилась.

– Завьялова, ты там?..

Селектор загудел и сообщил непонятным голосом, что да, это Завьялова.

– Пришли Тимофееву ко мне. Много там народу?

Селектор провыл, что много, но Тимофеева сейчас будет.

– Сейчас придет, – продублировала сообщение заведующая. – Но ничего такого быть не может! Если бы вечером она не смогла аптеку сдать или...

– Варвара Алексеевна, вызывали?

– Тань, ты вчера аптеку на охрану сдавала?

Наталья Ивановна и Татьяна Семеновна разом обернулись к Тане и замерли в ожидании, словно она должна была открыть им новый закон природы или что-то в этом духе.

Тимофеева переводила взгляд с одной на другую и растерянно поправляла зеленую, безупречно отглаженную шапочку, потом заправила выбившуюся челку.

– Да... а как же иначе? Как же я могла ее не сдать?! Все, как обычно, заперла, позвонила, они приняли...

– Все как всегда было?

– Ну... да. Как всегда. А что такое, Варвара Алексеевна?

– Договоров нет, – отрезала заведующая. – Надо искать. Дело-то уголовное!..

Таня перепугалась еще больше. В том, что «дело уголовное», было нечто, угрожающее лично ей, а она здесь ни при чем, ни при чем!..

– Варвара Алексеевна, я последняя уходила и все сделала, как надо. Можете позвонить и проверить, потому что утром я же охрану и снимала, и ночью ничего подозрительного не было. Вы же знаете, они всегда говорят, если там вдруг сигнализация срабатывает или еще что-то. Ну, вы же знаете!.. И нас вызывают, а вчера меня никто...

Она вдруг всхлипнула и отвернулась.

Анфиса протиснулась в узкую щель за директорским столом, одернула форменную робу и проверила шпингалеты на втором окне. Это окно вообще никогда не открывалось, потому что стол стоял так, что окно было как раз за спиной, и заведующая постоянно жаловалась на ревматизм и на то, что из него «немилосердно дует».

– Танечка, никто тебя ни в чем не обвиняет, но документы надо найти. Коржикова, что ты там разглядываешь?! Эти шпингалеты намертво забиты! Или... ты что думаешь?

– Я вот думаю, Нина, когда окна мыла, открывала эту створку или нет?

– Да Нина окна две недели назад мыла!

– А тогда открывала?

– Анфис, – начала Наталья Ивановна, – если бы она тогда плохо закрыла, у нас аптеку на сигнализацию после этого не поставили бы!.. А все было нормально! Девочки, точно все было нормально?!

«Девочки» хором согласились, что все было отлично и никаких претензий со стороны «сторожей» не возникало.

Анфиса еще некоторое время поизучала шпингалеты и рамы, повернулась и взглянула на толпу поклонников и зрителей.

«Девочки», включая заведующую, смотрели на нее с надеждой и некоторым благоговейным интересом. Должно быть, именно так капитан Гастингс взирал на папашу Пуаро, когда тот восклицал, что все дело в серых клеточках!

Все в аптеке знали, что никто лучше Коржиковой не разгадывает маленькие житейские головоломки, вроде потерянных записных книжек, странных телефонных звонков по ночам, загадочных стуков и подозрительного старика с первого этажа.

Аптечные неприятности ей тоже удавалось улаживать, а каких только неприятностей не происходило в аптеке!

Пропала пачка дорогостоящих витаминов, у заведующей из сумки стянули пятьсот рублей, Таня Тимофеева мыла руки, оставила кольцо, хватилась, а его нет!

Анфиса задавала вопросы, выслушивала ответы, сопоставляла факты, выстраивала «логические цепочки» – и витамины находились, кольцо возвращалось и даже практикантка, стянувшая пятьсот рублей, всхлипывая, вернула их заведующей и поклялась больше «никогда-никогда» ничего подобного не делать!

– Варвара Алексеевна, вы вчера во сколько уходили?

– Виктор Семенович приехал в пять, а я ушла... ну, минут через пятнадцать.

Виктором Семеновичем звали аптечного водителя, который возил заведующую, и его же время от времени посылали по всяким мелким нуждам.

– Он отвозил бумаги в аптечное управление, вернулся к пяти, и я ушла.

– Наталья Ивановна, а вы остались, да?

– Ну да, – подтвердила вторая заместительница и поправила громоздкие очки на носу. – Татьяна Семеновна была в первую смену, а я во вторую, все как обычно.

Анфиса подумала секунду.

– Нужно опросить всех, кто вечером работал, – озабоченно сказала заведующая. – Потому что вчера, когда я уходила, документы точно были! Я еще печать поставила на договор по «Ксеникалу», который только привезли! А утром они пропали.

И она вопросительно взглянула на Анфису. Та подозрительно помалкивала.

По-своему оценив ее молчание, заведующая покачала головой:

– Да не мог никто влезть, Анфиса! У нас самый центр, и в ночь-полночь народ ходит, и сигнализация ни разу не срабатывала, и вчера все как положено было – на охрану сдали, пароль записали. Так ведь, Таня?

– Ну конечно, Варвара Алексеевна!

– Или Клавиному мужу звонить, что ли? Может, он по-тихому разберется, чтобы нам милицию не вызывать?

Муж Клавы Ларионовой, бывшей Ковалевой, работал в уголовном розыске и имел репутацию первоклассного сыщика. В свое время он даже спас Клаве жизнь, когда какой-то придурок вздумал стрелять в нее в аптечном дворе, и все аптечные барышни после этого преисполнились к нему самого горячего уважения. Андрей Клаву спас, собой закрыл – прямо как в кино, девочки, ну, как в кино! – а потом женился.

С Клавой Ларионовой, бывшей Ковалевой, Анфиса связывала все надежды на собственную «легализацию».

Клава тоже была «неправильной». Клава, детдомовский заморыш, оказалась богатой наследницей – на самом деле богатой, с недвижимостью за границей, со счетами в надежных банках в надежной стране Швейцарии, с виллой в Марбелье и всеми остальными радостями жизни, – и тем не менее аптеку не бросила, все продолжала работать до той самой минуты, пока не отправилась рожать. В роддом ее провожали всей толпой, потому что Виктор Семенович увез ее прямо с рабочего места, а майор Ларионов, настоящий муж и будущий отец, разумеется, опоздал и, утратив всю свою милицейскую сообразительность, примчался в аптеку, а не в роддом. И ему долго втолковывали, куда нужно ехать, а он только смотрел по сторонам и мотал лобастой башкой, а потом заведующая принесла валокордин в мензурочке. Он дико взглянул на нее, опрокинул валокордин в себя, как водку, и пропал из виду, только протопали по крыльцу тяжелые башмаки.

Весь день в аптеке никто не работал, все тихо переговаривались, украдкой утирали слезы, каждую минуту звонили в роддом и сами бросались к телефону, хотя в обычные дни он звонил совершенно без толку, трубку никто не брал, потому что всем и всегда было некогда. Уборщица Нина, как тень отца Гамлета, бродила по аптеке и выдвигала ящики в соответствии с верной приметой – когда женщина рождает, все ящики должны быть выдвинуты, а двери открыты. Следом за ней ходила заведующая и задвигала – в соответствии с инструкцией о хранении медицинских препаратов.

Клава благополучно родила и собиралась вскорости снова выйти на работу, хотя, судя по счетам в банках, у нее не было никакой такой необходимости.

Ларионов регулярно заезжал к ним за подгузниками и детским питанием и олицетворял собой «полную аптечную безопасность». Все знали, что «в случае чего» нужно немедленно звонить Ларионову, и все будет хорошо. Несмотря на то, что никто ему отродясь не звонил, такое знание добавляло им уверенности в себе и в жизни.

– Подождите, – попросила Анфиса, – не надо Ларионову пока звонить. Вы мне лучше скажите, Варвара Алексеевна, а кто вчера вечером к вам заходил? Перед самым вашим отъездом?

– Господи помилуй, – сердито ответствовала заведующая, – да кто только не заходил! У меня не кабинет, а штаб-квартира в Смольном, ты же знаешь!

Она сняла очки, посмотрела на них и нацепила обратно.

– Значит, так. Наталья Ивановна заходила точно. Мы про крем от загара говорили, который на реализацию взяли – он у нас не идет, потому что не сезон. А у него срок годности ограничен, и с ним нужно что-то делать. Да ты знаешь, наверное.

Анфиса не знала, потому что крем продавался в соседнем отделе, в Натальином. Отдел назывался красиво – «готовых форм».

– Но я не брала ничего, никаких договоров, как вы можете, Варвара Алексеевна, ей-богу!

– Да никто не брал, – перебила ее заведующая. – Однако же они пропали!

– Да я к столу близко не подходила! – заговорила заместительница в полном возмущении. – Вы же знаете, я никогда не подхожу, Варвара Алексеевна! Я всегда здесь сажусь!

И она простерла руку и указала на стульчик, примостившийся за полированным шкафом. В шкафу заведующая держала «вкусное» к чаю, записные книжки, старые и новые, которые дарили аптечному руководству на каждый Новый год по полтора десятка, рождественский венок из искусственных веток и три парадные чашки с блюдцами на случай приезда какого-нибудь начальства.

Стульчик и впрямь был любимым местом заместительницы, все об этом знали.

– Так. Оксана заходила, заявление на отпуск я ей подписала, это я уже одетая была... Ну, Виктор Семенович... Он сумку мою забрал. Да, еще Лида, она льготников принесла...

Славу я вызывала, у меня принтер не работает, я просила его приехать и посмотреть. По телефону вызывала, его вечером в аптеке не было. Потом Нина зашла, она у меня вчера мыла. А больше... не помню никого.

– Завьялова, – подсказала Татьяна Семеновна, – она к вам заходила, точно. Я мимо шла, а она из кабинета выходила, и дверь за собой прикрывала.

– Не помню, – задумчиво сказала заведующая, – Завьялову не помню. А может, я с ней и не разговаривала. Самое главное, что вечером договоры все на месте были! Вот тут, справа лежали. Целая стопка.

– Самое главное, – сказала Анфиса, – что они не нужны никому, наши договоры. Вот это самое главное. И странное. Зачем их взяли?

Заведующая пожала плечами.

– Может, я пойду? – с надеждой спросила Татьяна Семеновна. – А Завьялову пришлю. Вы у нее спросите, заходила она или нет? А то там народу полно небось!..

– Идите, – махнула рукой заведующая. – Анфис, тебе Завьялова нужна?

Анфиса покачала головой.

Значит, Оксана, водитель Виктор Семенович, Лида. Они заходили все по очереди, и договоры еще были. Заведующая помнит точно, потому что на один из них ставила печать. И программист Славик, присутствовавший виртуально, по телефону.

Оксана хотела в отпуск, водитель забирал сумку, Лида принесла льготные рецепты, а Наталья Ивановна сидела на своем любимом месте. Славик получил указание починить принтер, который не работал, но вечером его в аптеке не было.

Договоры пропали.

Они никому не нужны, кроме сотрудников. Да и сотрудникам не нужны, только заместителям и бухгалтерше, для отчета.

– Ну что? Звоню Ларионову? – И заведующая протяжно вздохнула, словно прощаясь со своей спокойной жизнью, в которой все было так хорошо.

– Подождите, – попросила Анфиса, – подождите, Варвара Алексеевна!

Что-то важное было в списке тех, кто приходил вчера в кабинет, что-то такое, что все объясняло, и она просто не может ухватиться за это важное, ухватиться и вытянуть на свет...

– Сейчас, сейчас, – бормотала она. – Сейчас...

Татьяна Семеновна замерла в дверях, Наталья Ивановна от волнения примостилась на свой любимый стул за полированным шкафом, а заведующая снова сняла очки.

– А сегодня?

– Что?

– Сегодня принтер работает?

– Да я и не смотрела даже, – удивилась заведующая. – И понятия не имею!

– Славик утром был, – объявила Наталья Ивановна. – Он еще до открытия пришел, что-то тут поковырял, да и ушел.

Ну конечно. Был и ушел.

Анфиса протиснулась мимо заведующей, подняла крышку принтера и вытащила из него неровную стопку бумаги.

Договоры.

Татьяна Семеновна ахнула. Наталья Ивановна вскочила со стула. Заведующая нацепила очки.

Анфиса королевским жестом подала бумаги Варваре Алексеевне.

– Они?

Заведующая быстро перелистала.

– Они, – помедлив, ответила она. – Спасибо тебе, Коржикова. Придется премию выписать.

– Ну, слава богу, – пробормотала Наталья Ивановна.

– А вы все – милицию вызывать! – сказала Татьяна Семеновна.

– Ты объясни мне, как они в принтер попали?! Это Славик, что ли, баловался?!

– Да никто не баловался, – Анфиса была очень довольна собой и впрямь чувствовала себя папашей Пуаро. – Он утром пришел, принтер настроил и, чтобы проверить, как он работает, сунул в него первую попавшуюся пачку бумаги, только и всего! Вы же всегда ругаетесь, когда мы на чистой бумаге черновики пишем!

– Ругаюсь, – подтвердила заведующая, – а как же мне не ругаться, когда это расточительство сплошное! Два слова напишут, и листок в корзину! А бумага денег стоит, и деревья надо жалеть!

– Ну вот он и взял листочки, на которых с одной стороны что-то такое уже напечатано было, да и сунул в принтер! Для проверки.

Заведующая подумала секунду и улыбнулась от души.

– Ну, гора с плеч! А как ты догадалась, что их не крал никто?!

– Кому они нужны, Варвара Алексеевна, наши бумажки? Да никому. И диверсант вряд ли какой-то нагрязнул, который хочет лично вам неприятности доставить! Так что я решила, что из кабинета их никто не выносил, а значит, они где-то здесь. А когда про Славика услышала, догадалась, что они в принтере.

– Одной премии мало будет, придется две выписать, – заключила заведующая весело, – а теперь все по местам, и работать, работать!..

– Ты молодец, – сказала Анфисе Татьяна Семеновна, когда они шли по коридору к торговому залу, – а то и вправду бы пришлось милицию вызывать. Позор какой!

– Спасибо, – с чувством сказала Анфиса.

Ей нравилось, когда ее хвалили – особенно за ее сыщицкие заслуги. Ничего ей так не нравилось, как время от времени почувствовать себя «папашей Пуаро»! И бабушке очень хотелось рассказать, и чтобы она непременно похвалила!

Как только они вышли в зал, лица всех «девушек» до одной обратились к ним, а Наталья Завьялова, изнемогая от любопытства, нетерпеливо кивнула снизу вверх.

– Все в порядке, – сказала Анфиса одними губами.

Оксана подскочила к Татьяне Семеновне, и та быстро зашептала ей на ухо. Оксана округляла глаза и прижимала ко рту растопыренные пальцы. Анфиса быстренько пробралась на свое место.

– Нашла?

– Нашла, конечно.

– Ну и кто, кто? Кто взял?..

– Никто не брал!

– Как не брал?! – поразились Наталья. – Они же еще утром пропали!

– Пропали, но их никто не брал, – зашептала Анфиса, – их Славик по ошибке в принтер сунул. Он принтер чинил и сунул туда всю пачку – чтобы проверить, печатает он или нет!

– Вот дурак, а? – в голос сказала Наталья. – Вот дела, а?

– Он не дурак, он ничего такого не хотел. Просто случайно получилось.

– А что ты так радуешься, Коржикова? – спросила Лида и усмехнулась недобро. – Тебе лишь бы начальству показать, какая ты умная и правильная, да? А что тут люди по полгода работают и без отгулов, и без праздников, это тебе все равно, да?

И понесла про какой-то проездной, который ей не оплатили, и про дом отдыха в Вялках, и про витаминизированную диету и еще про что-то непонятное.

– Не обращай внимания, – посоветовала Наталья тихонько. – Это она оттого, что несчастная.

– Ну да, – неопределенно согласилась Анфиса.

Ей не было жалко несчастную Лиду. Она была твердо убеждена, что Лида никакая не несчастная, а просто злобная дура. – Девушки, – позвали с той стороны прилавка, – девушки, у вас есть препарат?..

Анфиса моментально переключилась на покупательницу.

– Какой именно?

– Я не знаю, как называется. Ну, такой, от которого ребенок отличником становится!

Анфиса и Наталья переглянулись.

Заполошная мамаша, которой не понравились их переглядывания, посмотрела на них с плохо скрытым отвращением. Лопухий пацанчик рядом с ней равнодушно ковырял в носу.

– Вы что? Рекламу не знаете?

– Простите, – очень вежливо сказала Анфиса, – какую именно рекламу вы имеете в виду?

– Ах, господи, ну какую же! Такую. Где родительское собрание, а все учителя говорят – он моя гордость, отличный математик, прекрасный художник, и всякое такое! Ну? Не знаете, что ли?

– Знаю! – воскликнула Наталья радостно. – Знаю! Там еще что-то такое... про природу, да? Все это, мол, от природы. Ну, способный он от природы то есть, – пояснила она неосведомленной Анфисе.

Анфиса не очень разбиралась в рекламе и в природе тоже с ходу не разобралась.

– Так где же мы возьмем вам... природу?

– Ах, господи, да не нужна мне никакая природа, что вы, в самом деле! Мне нужно, чтобы мой сын стал отличником!

– Заниматься с ним надо, – пробормотала Анфиса. – Если заниматься, то он станет...

– Ах, господи, я сама знаю, что надо, а что не надо! Своих детей родите и занимайтесь с ними, а мне нужно средство, чтоб, как в рекламе, он научился рисовать и рекорды ставить! Там ясно сказано – принимай препарат, и станешь!

– А я знаю! – вскрикнула Наталья. – Это витамины такие!..

– Петя, перестань ковырять в носу, сколько раз говорила, не ковырай, когда руки грязные!

– Когда чистые, тоже лучше не ковырять, – не удержалась Анфиса.

– Ах, господи! Вас, девушка, не спрашивают! Своих родите и учите, а я своего сама выучу!.. А от этих витамин точно умнеют?

– Я не знаю, – растерялась Наталья. – Витаминки, конечно, необходимы растущему организму, а насчет ума...

– Но в рекламе ясно сказано, что умнеют! Или вы мне не то подсовываете, девушка? Петя, вытащи палец из носа! Там же ясно говорится – он наша гордость!

– Нет-нет, точно. Вам нужны эти витамины.

– Да зачем мне просто витамины, мне надо, чтобы как в рекламе, чтобы гордость и чтоб он рисовал!.. Рисовать совсем не умеет! Как будто руки другим концом приделаны!

– Попить витамины очень полезно, – опять вступила в дискуссию Анфиса, – но с рисованием это никак не связано.

– А вас, девушка, не спрашивают! Что вы все суетесь?

– Я не суюсь.

– Вот и не суйтесь! А сколько надо пить, чтобы поумнеть?

– Да я точно не знаю, но там инструкция есть, и в ней норма ежедневного приема, – успокоила ее Наталья, подцепила ногтем крышку и показала. Внутри действительно была инструкция. – Вы почитайте и все поймете.

– А вы почему не знаете, девушка? Или вы мне не то подсовываете?!

– Да все то! Как в рекламе. Вы берете или нет?

– А от него точно умнеют?

Анфиса поняла, что конца этому не будет никогда, и решила предоставить Наталье самой разбираться. Ведь она первая догадалась, что это за препарат волшебный, от которого «умнеют и рисуют», пусть теперь и расхлебывает!

Искренняя и безграничная вера телезрителей и радиослушателей в рекламу поражала Анфису до глубины души.

Ну ведь в здравом уме и твердой памяти человеку должно быть понятно, что невозможно похудеть путем ношения специальных штанов, к примеру! Ведь если бы было можно, человечество, нарядившись в чудо-портки, навсегда распрощалось бы с проблемой лишнего веса! А бедные стесняющиеся тетеньки с кривыми зубами, настаивавшие целую кучу чужих белых вещей, которые нелепо выкрикивают: «Только „Глайд“!»? А волосы, которые привязывают к бамперу грузовика, чтобы доказать, что они стали «еще сильнее и еще длиннее»?! Что значит – «еще сильнее», вот вопрос? А когда были «менее сильными», выдерживали только вес легкового автомобиля?!

Анфиса вздохнула, искоса посмотрела на Наталью, которая все пыталась втолковать покупательнице и Пете, продолжающему изыскательные работы в своем носу, что вряд ли от витаминов он необратимо поумнеет, и продала средство от головной боли и но-шпу.

За будущей гордостью отечественной науки Петей и его высокообразованной мамашей уже выстроилась небольшая очередь. Наталья слегка занервничала, но мамаша была кремень и позиций сдавать не собиралась. От Натальи требовалось твердое обещание, что Петя поумнеет, как только «пройдет курс», которое Завьялова дать никак не могла.

За аптечной дверью вдруг произошел какой-то шум, движение, и девушка с зонтиком под мышкой тоненько взвизгнула, что-то загрохотало, и охранник выглянул из-за своей загородки: глаза у него округлились, как у маленького. Истерически задребезжал колокольчик, который заведующая привезла из какой-то дальней поездки и пристроила над дверью, чтобы было «как в замке». Петя внезапно вынул палец из носа, уборщица Нина истоиво закрестилась, а Наталья Завьялова бедром задвинула кассовый ящик с деньгами и налегла грудью на аппарат, закрывая телом аптечное достояние.

В аптеку ввалился молодой мужик в залитой кровью рубашке. Ладонью он прижимал висок и щеку. Все шарахнулись от него в разные стороны, и он как-то в одну секунду оказался в полном одиночестве в залитом солнцем аптечном зале, и Анфиса видела только, что из-под его пальцев, как в замедленной съемке, стекает кровь и большими каплями падает на недавно вымытый Ниной пол. Капли шлепаются, как маленькие взрывы.

– Помогите! – прошептала рядом Наталья и зажмурилась.

Охранник с растерянным лицом неловко двинулся навстречу истекающему кровью посетителю и еще вокруг оглянулся, как бы спрашивая у притихшей аптеки, что теперь ему делать. С непривычки трудно убедительно изобразить из себя Рембо, даже если все ждут от тебя именно этого!

Окровавленный мужик оторвал руку от щеки – кровь полилась сильнее. Он досадливо смахнул ее ладонью, и она потекла у него по руке, прямо за белую манжету рубашки. Его качнуло – все ахнуло, – он схватился за белую стену и устоял.

Потом обвел всех взглядом и рявкнул неприязненно:

– Ну?!

Мика задумчиво положила на стеклянный стол трубку и посмотрелась в зеркало.

Трубка ее расстроила, а зеркало порадовало.

В трубке никто не отвечал, хотя должен был, а в зеркале отражалась она сама и девушка, которая укладывала ей волосы. Мика очень любила, когда ей укладывают волосы, и вообще парикмахерские она любила.

Фены гудели бодрым низким гудением, пахло какой-то специальной «салонной» парфюмерией, музыка играла по-утреннему бодро, девушки порхали за спиной, улыбочивые, любезные, ловившие каждый взгляд или самое смутное движение клиента.

Проверяя это, Мика потянулась лениво и осторожно, выпростала из пачки сигарету. Осторожничала не потому, что ногти были покрашены, а потому, что ей нравилась... эта игра.

Фен, теплом обдававший затылок, моментально смолк.

– Пепельницу, Марина?

– Хотелось бы, – ответила Мика лениво, и та, что укладывала ей волосы, оглянулась по сторонам. Подскочила другая, маленькая и чернявая, они пошептались, и через полминуты пепельница была перед ней.

– Может, кофе? Или чаю?

– Минеральной воды без газа, если можно, – попросила Мика нарочито тихо, заставляя обеих нагибаться к себе, – не очень холодную. И с лимоном.

– Одну минуточку.

Чернявая пропала с глаз, а вторая осталась и спросила почтительно:

– Я могу продолжать?

– Конечно, – наслаждаясь властью, разрешила Мика, – продолжайте, на самом деле у меня времени не так уж и много!

Времени у нее было сколько угодно, и на свою встречу она вполне могла опоздать, но это была игра, и Мика самозабвенно в нее играла.

Сигарета хорошо пахла, тоненько дымилась, и фен опять загудел, мягким теплом обнимая затылок и шею. Мика закрыла глаза.

Илья почему-то не отвечал на звонки, и это ее слегка беспокоило, как беспокоит человека, лежащего в гамаке, звенящий в отдалении комар. Вроде бы и не кусает, и не приближается вовсе, но даже просто мысль о том, что прилетит и нарушит послеобеденную истому и гармонию, – отвратительна и почти невыносима.

Мика не любила неудобств, ни крупных, ни мелких.

Фен опять смолк, и она, не открывая глаз, вопросительно подняла брови.

– Ваша минеральная вода, – прошелестели рядом, – и я хочу вот тут чуть-чуть поправить. Можно?

Приятное звяканье ножниц, дрожание пряди у виска.

Мика приоткрыла глаза, но в зеркало смотреть не стала – взглянула на свою руку, лежащую на ручке кресла.

Все отлично. Рука очень красивая. Косточки тоненькие-тоненькие, кожа розовая и белая. Никакой грубости, самая изящная работа. Кольцо... очень правильное. Белое золото, тонкая оправа, солидный бриллиант.

Она, Мика, как раз из тех женщин, которым подают лимузины прямо к ковровой дорожке. Каблочки которых никогда не месят земную грязь, а пальчики не стирают пеленки и не зажигают газ под замызганным чайником. Которые расплачиваются золотыми кредитными карточками – если вынуждены расплачиваться сами, – и за которых платят по карточкам «Dinners Club» уверенные в себе, глянцевого, подтянутые и загорелые мужчины класса «люкс». Которые живут только на виллах с прислугой и держат очаровательных маленьких собачек, придающих им особый шарм. Для собачек покупаются пальтишки и ошейники с бриллиантами. Такие женщины имеют в своем гардеробе полтора десятка «маленьких черных платьев» и столько же ниток натурального жемчуга разного оттенка. Они не проводят все время в салонах и на пляжах, что за расхожие глупости! Они заняты очень серьезными и важными делами, и эти дела отнимают у них все свободное время. Они возглавляют комитеты по спасению тутового шелкопряда и комитеты по освобождению женщин Буркина-Фасо от рабского труда. Они помогают беженцам Ганы и осуждают режим Уганды. Они борются за права своих сестер, кото-

рые до сих пор томятся в гаремах и лишены возможности получить профессию водителя-дальнобойщика. Оставляя на руках почтительных швейцаров легкие шубки, они включаются в борьбу за права животных и спасают их от варварского истребления! Они устраивают благотворительные приемы в фонд помощи медузам Эгейского моря и замерзающим детям Чукотки.

Впрочем, в последнее время Чукотка замерзать решительно отказалась, и пришлось даже отчасти переключиться на высыхающие реки Сахары.

Затем их, усталых и измученных, разбирают по домам водители на лимузинах, и дома все повторяется вновь – доклад гувернантки о проделках Фролушки и Аксины, доклад домоправительницы о поведении Чарли – «Чарлик, прелесть моя, сколько раз я говорила, чтобы ты не грыз мамины туфли!». Доклад садовника о том, что мимоза – «тудыть ее так!» – засохла. Фролушка в свои шесть уже пробует курить, а Аксины полила сиропом папин смокинг – «Сколько раз я говорила, Галина Петровна, что детям не место в гардеробной!». Затем приезд папы, маленькое черное платье, нитка жемчуга, вечеринка в «Царском селе» или Дворянском собрании.

Напряженная жизнь трудовой современной женщины.

Мике казалось, что это самая лучшая жизнь, которая только может быть, и она всей душой стремилась к ней. А если не удавалось, так хотя бы чтобы было похоже!

Курить ей не хотелось, но дым сигареты, старательно оберегаемый от фена, приятно щекотал нос. Не поднимая глаз, она взяла стакан с минеральной водой и осторожно глотнула, опять с удовольствием посмотрев на свою руку.

Мика не любила теплую воду, да еще с лимоном, но пила, потому что китайский чай и теплая вода свидетельствовали о том, что «все в порядке». Правила игры выучены назубок и применяются с блеском.

Фен все еще гудел.

Она потушила сигарету и еще раз набрала номер Ильи. Длинные гудки и больше ничего.

Куда он запропастился?! Вечная с ним история – как только он пропадает из поля зрения, так сразу что-то происходит!

Даже не верится. Мика старалась не выпускать его из виду, контролировать если не каждое движение, то все-таки большинство движений – и ей это удавалось. Он-то думал, что просто поддерживает бывшую жену «из благородства и дружеских чувств», а на самом деле она руководила им – ловко и осторожно. Мужчины частенько не видят того, что у них под носом, зато отлично разбираются в том, что «там, за горизонтом»!

Ну где это видано, где это слыхано, чтобы бывший муж возил бывшую супругу в салон, к примеру, вот как сегодня! Или провожал на бал, когда Мике было не с кем выйти. Или привозил деньги, когда они у нее заканчивались. Впрочем, его деньгами Мика старалась не злоупотреблять, он и так был щедрым, и она боялась перегнуть палку. На поддержание того образа жизни, который был для нее важнее всего, ей вполне хватало и отцовских, а Илья требовался совсем для других целей.

Куда более важных.

А Илья, улучшенный чутким Микиным руководством, был вполне безмятежен и уверен, что всё делает «как все» – провожает, возит, денежки дает. То есть полностью подконтролен.

Мика долго, незаметно и очень упорно, как китайский крестьянин, создавала и возделывала свое рисовое поле под названием Ильи Решетников, и скоро станет ясно, насколько ей все удалось.

Мастерица выключила фен, сунула его в кольцо, прикрепленное к стеклянной столешнице, и принялась разбирать ее волосы на пряди, одну за одной. Мика откинула голову и улыбнулась. Ей очень нравилось, когда возились с ее волосами.

Цель близка, и Мика ее достигнет.

Пальцы впились в подлокотник. В конце концов, она обещала, что решит все проблемы. Она и решит, именно потому, что сильная, гораздо сильнее остальных.

Она обещала и выполнит обещание. Она сильная, сильнее всех...

Не помогло. Вдруг накатила тошнота, самая настоящая, первоклассная, от которой вся жизнь словно сосредотачивается на уровне горла и кажется, что вот-вот задохнешься, и нужно как-то остановить это, удержать в себе, нельзя выворачиваться наизнанку!..

Мика задышала глубоко, резко выпрямилась, дернула головой, и мастерица выпустила тугие пряди.

– Мариночка, вам неудобно?

– Нет-нет, все в порядке. – Тошнота отступала, перед глазами светлело. – Прошу прощения.

– Ничего-ничего, – заторопилась мастерица. – Я, наверное, слишком сильно потянула.

Она не тянула. Это Мика потянулась за своими мыслями, которые оказались острыми, как отточенная железка, впились в горло, не давая дышать.

Она обещала и выполнит обещание, но думать об этом больше не станет.

Пока не станет. Так и до беды недалеко.

Чур меня, чур, чур...

Телефон зазвонил, и она схватила трубку, потому что отточенные железки все еще угрожали ее незащитному горлу.

Номер не определился.

Мика перевела дыхание, секунду посидела и нажала кнопку:

– Слушаю, Илюша! Это ты? Я тебе звонила, а ты куда-то пропал!

– Это не Илюша.

Да, это не Илюша.

Она думала об Илье и поэтому ошиблась. Сегодня она ошибается все утро.

Что-то с ней случилось. Или только случится?..

Самое страшное впереди, и она это знает. Самое страшное, самое темное, и она, Мика, в центре этого, как в середине черной дыры. Считается, что выбраться из нее невозможно, но она выберется, по крайней мере, сделает попытку.

Илья ни о чем не догадается – трудолюбивый и недалекий китайский крестьянин, застрявший в болоте своего рисового поля, и он ей послужит.

– Валечка, прости, пожалуйста, я думала, что это Илья! Быть тебе богатым...

– ...и счастливым, – подсказал тот.

– И счастливым, – согласилась Мика.

Сердце заныло. Этот звонок мог означать, что срок уже близко.

Господи, когда же наконец она перестанет бояться его звонков и будет просто радоваться им как нормальная женщина, которой звонит любимый мужчина?!

– Ты где?

– Я еще в салоне, Валя, но я почти освободилась, – и короткий взгляд в зеркало на мастерицу. Та кивнула, подтверждая – да, да! – и опять взялась за пряди.

– Я уже на Тверской, – сказал он недовольно, словно нащупав привычный тон после ее ошибки.

Он ревновал ее к Илье – или делал вид, что ревнует, Мика точно не знала.

С ним она ничего не знала точно.

– Я на Тверской, ты закончишь и приходи во «Французскую кофейню». Кофейку попьем. Мне есть что тебе сказать.

– Что?! – вскрикнула она, и мастерица опять глянула – на этот раз изумленно. – Что? – повторила Мика потише. – Что случилось?

– Ничего, – помедлив, сказал он, и из-за того, что он медлил, из-за этой секундочки Мика поняла – случилось. – Давай заканчивай, и я все тебе расскажу.

– Валя, скажи мне сейчас.

– Я за рулем, и я не люблю разговаривать наспех.

О да, это она знала! Он готов был всю душу из нее вынуть, но не «разговаривать наспех»! У него были «принципы», которых он железно придерживался. И могло происходить все, что угодно, он никогда не станет их нарушать. Даже если она рыдала и умоляла, а бывало и такое!..

Почему-то после разговоров с ним ей иногда становилось стыдно, хотя ничего такого он не говорил. И после секса с ним ей тоже было стыдно. И хотелось скорее в ванную, хотя бы для того, чтобы остаться одной, посмотреться в зеркало и увидеть в нем... себя.

Это она. Опять она. Ничего страшного.

Мика убеждала себя, что должна любить его, и старалась изо всех сил – как будто выполняла порученную работу.

Кем? Зачем?..

Что за работа?..

– Валечка, я сейчас освобожусь, но все же скажи мне, что случилось?

– Не надо на меня давить, – моментально ответил он. – Что за привычка!.. Если твой муж был кретином, это не означает, что и я кретин!

Мике захотелось сказать, что Илья вовсе не кретин, просто он... другой, но она благоразумно промолчала.

– И не доставай меня! Ты же знаешь, что я...

– Ты не любишь разговаривать наспех, – быстро закончила она, – но все-таки скажи мне, ничего страшного?

– Приходи в кофейню, – ответил он сухо, – там и поговорим. И вообще, что за манера таскаться в эти салоны?!

Она вздохнула.

– Мне хочется тебе нравиться, – это было сказано с попыткой кокетства и потому, должно быть, прозвучало так глупо.

Он пробормотал что-то в том смысле, что ему и так все нравится, и повесил трубку.

Мика нажала кнопку на своем телефоне, посмотрела и осторожно подышала в окошко. А потом протерла его пальцем.

Ну почему все так трудно? В чем она виновата?!

Едва освободившись от Ильи, она угодила в ловушку, да еще какую!

Ловушка, расставленная на волка, прихлопнула синицу так сильно, что почти переломила ей хребет. Она не готова, она слабая, нежная, она в Дворянское собрание хочет или в «Царское село»!

– Марин, затылок начешем или так оставим? Так поживее, но если нужно, чтобы держалось...

Мика посмотрела так и эдак.

– Оставим, – решила она. Пряди разлетались, как будто она родилась с такими, а не просидела полдня в парикмахерской!

Господи, что случилось? Что *могло* случиться, ведь Валя в прошлый раз сказал, что *время пока есть*!

Времени осталось мало, вспомнилось ей из песенки, время говорит: «Скорей!»

Она заплатила по счету – золотой кредитной карточкой, разумеется, – прибавила мастерице на чай, не слишком много, примерно столько, сколько составляла месячная «базовая» пенсия. Об этой самой пенсии Мика только вчера услышала по телевизору.

На Тверской была толкотня – вот никогда она не знала, куда бегут все эти люди, чего им не сидится дома! Она, Мика, ни за что не стала бы просто так шататься по улице, она все-

гда была домоседкой. Что может быть лучше уютного и чистого простора, своего собственного, ограниченного только светлыми стенами, с маленькими, частными, уютными делами. Свежий номер дамского журнала, итальянский кофе в плотном пакете – как только открываешь пакет, запах вырывается наружу, освежает голову, обдает радостным предвкушением. Кремовый диван, лэптоп с видом Швейцарских Альп на мониторе, стеклянный стол и пепельница с серебряной крышечкой, и салфетка в кольце, и сухое печенье в вазочке. Любимые книги, уютные домашние туфли – никаких тапок Мика не признавала, боже сохрани! Как и ее мать, она ненавидела всякую бытовую распушенность, которую обожал ее бывший муженек.

Он-то как раз валялся на раритетных чипендейловских диванах в старых джинсах, вытянутых майках и босиком! Еще он курил и совал свои бычки во все пепельницы, которые только попадались ему по дороге, и Мика ходила за ним и собирала их – она ненавидела окурки! А у него была странная идея относительно того, что ему должно быть... удобно! Удобно, черт возьми!

Мика пыталась внушить ему, что прежде всего должно быть *прилично*, а уж потом *удобно*, но он и слушать не желал. Он пил кофе из бульонных кружек, не разрешал выбросить ни одну свою старую майку и однажды выгнал домработницу Люсю, которая попыталась навести порядок у него в кабинете!

Люся рыдала, Мика ее утешала, подносила валокордин, валерьянку и нашатырный спирт – она видела в кино, что именно так нужно приводить в чувство тонкие натуры, впавшие в истерику. Ее муженек равнодушно курил.

«Илюша, – говорила Мика, прислушиваясь к рыданиям домработницы, – ну разве так можно? Она же хотела тебе помочь разобраться! Ну за что ты на нее накричал?»

«За то, что она копалась в моих вещах, а я этого терпеть не могу», – отвечивал ее бесчувственный во всех отношениях муж.

«Но ведь там у тебя... ужасно. Беспорядок, Илюша! Как же ты не понимаешь?!»

«Но ведь это мой собственный беспорядок. Мне он подходит. А она выбросила мою любимую пепельницу!»

Эту пепельницу Мика тоже ненавидела. Она была сделана из глины и представляла собой точную копию открытой консервной банки. Бок этой шедевральной пепельницы украшала надпись «Бычки в томате». Мика ненавидела ее лютой ненавистью и в конце концов выкинула, но не могла признаться, что это она, а не Люся!

«Илюша, мы ее случайно разбили, а не выкинули!»

«Не надо было вообще ничего трогать в моей комнате. Я просил сто раз. Если она опять полезет, я опять буду орать, предупреди ее сразу!»

Люся услышала и наддала, а муж встал и пинком ноги захлопнул дверь в комнату, где оскорбленная домработница старательно выводила свои рулады.

Мика, отчаявшись уладить этот чудовищный семейный скандал – а она искренне верила, что это и есть скандал, и именно такими они и бывают, скандалы, – произнесла тихо и укоризненно:

«Ты просто совсем не умеешь ценить заботу».

«Я умею. Но если кому-то что-то не нравится в моей комнате, то вряд ли я могу с этим что-то поделать!»

Разболтал в бульонной кружке гадкий растворимый кофе, выложил туда полбанки ступенки – ужас, ужас! – ушел и закрыл за собой дверь.

А поначалу Мика верила, что ей удастся его... очеловечить. Улучшить. «Поднять до себя», как говорили в ее семье. Но он решительно не хотел «подниматься», и с некоторых пор она вдруг обнаружила, что он на самом деле считает, что и так хорош! Он, который думал, что форсмажор – это гитарный аккорд, который считал, что Сенека вел «Клуб путешественников», и спотыкался на слове «визуальный»!

Пепельницу – точную копию уничтоженной – ему вскоре привезли дальние деловые партнеры из Киева. Еще они привезли «Горілку з пэрцем», шмат розового сала, обложенный чесноком и завернутый в чистую марлицу, несколько головок синего лука и «кильце» деревенской кровяной колбасы. Вся эта красота внутри идеально чистой прохлады просторного европейского щегольского холодильника несколько дней отравляла Мике жизнь. Она физически страдала, когда открывала сладко чмокающую дверцу и первым делом натыкалась на марлицу с салом! Ей казалось, что ее йогурт пропах кровяной колбасой, а пророщенные бобы провоняли синим луком!

Илья ничего не замечал – отрезал себе толстенный кусок черного хлеба, укладывал на него сало и сверху несколько колечек лука, наливал стопку ледяной «горілки», весело опрокидывал ее в себя и заедал хлебом и салом, жевал идеальными ровными зубами. Он никогда не увлекался стоматологами, но зубы у него были потрясающие – ровные, белые, один к одному. И это слегка обижало Мику, которая вложила в идеальность своих зубов небольшое состояние и постоянно продолжала вкладывать.

Когда сало подходило к концу, Мика уже твердо решила с Ильей развестись.

Впрочем, она долго не отваживалась переговорить с ним, все жалела его, маялась, уверенная, что он без нее пропадет.

У нее были свои представления о долге перед семьей, перед мужем и обществом.

«Идеалистка!» – нежно фыркал отец, и она привыкла считать себя идеалисткой.

Только такая идеалистка, как она, могла выйти замуж за Илью, чтобы, как выражались в ее семье, «возродить веру в русский народ».

Правда, племянник Боренька однажды поинтересовался с осторожным ехидством, стала бы Мика возрождать эту самую веру в народ, если бы у конкретного народного представителя не было денег, но Мика с гневом отвергла эти гнусные предположения!

Она шла по Тверской, и ей хотелось поскорее добраться до «Французской кофейни», она чувствовала себя на улице неуютно. Ей казалось, что все на нее смотрят, но это не доставляло ей никакого удовольствия. Она полагала, что от скромности. Она знала, что очень хороша собой, особенно сейчас, «после салона», когда пряди разлетаются именно так, как должны разлетаться, кожа сияет, а в глазах легкая настороженность. Эта самая настороженность должна сводить мужчин с ума и сводила, Мика вполне отдавала себе в этом отчет. Короткий, словно умоляющий взгляд, чуть-чуть виноватый, чуть-чуть испуганный и еще как будто с надеждой на что-то – Мика умела так смотреть, чтобы каждый уважающий себя мужчина немедленно испытал благородный порыв защитить это слабое и нежное существо, погрузиться в его сладостные тайны, утонуть в этих бездонных озерах.

Кажется, именно так пишут в статьях про то, как знаменитый актер Андрей Безухов увидел на вечеринке свою будущую супругу – порыв испытал, нежное существо защитил, в сладостные тайны погрузился, в бездонных озерах потонул.

Мика к глянцевым журналам относилась как к библии современной молодой женщины – там есть все, все рецепты счастья, все правильно очерченные границы и практические советы. Так сказать, проект ловушки с приложенным чертежом в трех измерениях.

Пока что ловушки действовали беспроблемно – вот и Валя попался, хотя уж как ей пришлось потрудиться, прежде чем заманила его! И Илюша пока вполне предсказуем, а это очень важно, ибо у Мики есть цель, и он должен послужить ей в достижении этой цели.

И послужит.

Валентин Певцов во «Французской кофейне», окруженный запахами кофе, еды и табака, читал газету и думал о том, что газета невыносимо скучна и в окно видно только узкий московский дворик, вымощенный серым камнем, и не видно Тверскую, откуда должна прийти Мика. Не то чтобы он так ждал ее, что обязательно должен был смотреть в окно и считать минуты,

но он всегда играл в эту игру – раздраженный опозданием мужчина и лепечущая оправдания женщина. Для того, чтобы играть правдиво, нужно непременно увидеть ее заранее, желательно в окно, сделать лицо, собрать на лбу складки, углубиться в газету, а когда она подойдет совсем близко, отогнуть манжет и посмотреть на часы.

Ему хотелось поскорее разделаться с делом, для которого, собственно, он и вызвал Мику сегодня, и, хорошо зная ее, он все же не мог предсказать ее реакции, и это слегка его беспокоило. А беспокойство он не любил. Оно, как палка, которой тычет в омут мальчишка, поднимало со дна ил и черноту, сознание мутилось, извивалось, и в нем невозможно было что-то отчетливо разглядеть.

А ему нужно смотреть в оба. В эту, последнюю минуту ничего не должно сорваться.

Столько усилий потрачено!..

Молоденькая официанточка принесла ему заказанный кофе с минеральной водой – лед и лимон отдельно, – он закурил и, отогнув манжету, посмотрел на часы. На всякий случай, если Мика уже поблизости и видит его.

Официанточка быстро ему улыбнулась – видимо, понравился, – но он не обратил на нее никакого внимания. Зашуршал газетой, подвинулся и продолжал думать.

Если его расчеты верны, все будет сделано уже на этой неделе. Контейнер приготовлен, и содержимое его тоже.

Он не хотел марать руки, но быстро понял, что, не замарав их, ничего не достанешь из той кучи дерьма, что простиралась перед ним. Однако думать о том, что не только руки, но и он сам, весь, по самое горло, как-то незаметно и быстро оказался в этом самом дерьме, ему не хотелось.

Он двинул ногой – от раздражения и безразличия – и оглянулся по сторонам.

Кафе было «специальное», куда приходили не столько есть, сколько разговаривать и решать «деловые вопросы». Еще здесь назначали свидания – сытенские девочки и мальчики, потому что «голодным» оно было не по карману: крохотная чашечка двойного эспresso и апельсиновый сок тянули рублей на двести пятьдесят.

Даже сейчас, утром, в кофейне было многолюдно, но никакого шума, грохота музыки или разговоров во все горло. Все по-утреннему оживлены, сдержанны и готовы к наступающему дню. Шуршат газеты, бармен разливает кофе – и никакого виски! – барышни накалывают на серебряные вилочки раннюю израильскую клубнику. У нее нет никакого вкуса, только название и вид, но это так возвышенно – клубника в середине апреля! – что все едят и не морщатся. В белых чайничках зеленый чай, в малиновых салфетках начищенные приборы, сказочные десерты выложены на сверкающие подносы, медные ручки горят огнем, стойка с журналами почти опустела, и солнце вот-вот выглянет из-за весенних туч, просто затем, чтобы заглянуть сюда и порадоваться, что все так чудесно устроено.

В кофейню частенько заходят знаменитости, но не те, что поют с эстрады глупые песни или ведут сомнительные телешоу, боже сохрани, а вполне приличные люди. Валентин Певцов два раза поздоровался – один раз со знакомым, другой раз с вовсе незнакомым, но много раз виденным по телевизору банкиром. Банкир вежливо и безучастно кивнул в ответ. Еще Валентин увидел генерального продюсера Первого канала, тоже будто сошедшего из телевизора, но с ним поздороваться не удалось, ибо тот вообще по сторонам не смотрел, прихлебывал кофе и внимательно слушал собеседника, сильно наклонив голову.

Громогласный и веселый Павел Каплевич что-то объяснял томной девушке средних лет, словно чуть-чуть побитой молнией, по виду редакторше, и, видимо, ему нравилось все то, что девушка ему отвечала, потому как время от времени он радостно оглядывался вокруг, будто приглашая всех разделить его хорошее настроение.

Если бы не нынешнее мутное беспокойство, Валентин Певцов сполна наслаждался бы и кофе, и столь изысканным обществом, но не получалось.

Мика появилась совершенно неожиданно, он даже не успел соответствующим образом подготовить лицо.

Она была очень хороша собой – высокая, тонкая, как будто устремленная вверх, в летящей шубке. Не женщина, а мечта.

Может быть, в другое время он и занялся бы ею поосновательнее – она вполне стоила того, чтобы поиграть с ней как следует. Сейчас он не мог, никак не мог. Как только он понял, что она подходит для его цели, он больше ничего не мог с собой поделать. Она стала инструментом, таким же, каким в детстве была его скрипочка. Он даже запах канифоли все время слышал, как только Мика приближалась. Он спал с ней и слышал запах канифоли, смешанный с духами, и от этой смеси его тошнило.

Ничего. Терпеть осталось совсем недолго.

– Валечка, здравствуй, ты не сердись, что я опоздала, я просто немножко позже выехала, и поэтому получилась такая задержка, но ты же не так давно ждешь, а если бы...

– Сядь, – сказал он. Запах канифоли перебил все остальные. Утренние, приятные. – Сядь и остановись, Мика.

Она послушно села, сложила руки на столе. Глаза у нее лихорадочно блеснули – волновалась.

Очень хорошо, пусть поволнуется. Он не станет ей помогать. Мика должна сыграть свою роль, и она ее сыграет, а для этого нужно, чтобы она как следует прочувствовала важность положения.

– Валя, что случилось? – Она поправила прядь, не забывая о том, что только что из парикмахерской, и нужно быть осторожной. – Ты так сказал по телефону...

– Ничего особенного я не сказал. – Он махнул рукой, подзывая давешнюю улыбчивую. – Ты вечно себя накручиваешь, а я почему-то должен...

– Ты ничего не должен, – быстро перебила она. – Ничего! Просто ты же знаешь, как я беспокоюсь из-за этих дел!

Он помолчал, а потом как будто признался:

– Я и сам беспокоюсь.

– Ну? – Она впиалась в него глазами, даже сигарету из пачки не вытащила до конца.

Он чуть-чуть ослабил вожжи:

– Нет, ничего страшного. Просто я думаю, что мы должны действовать быстро.

Он смотрел фильм, где Роберт Редфорд укрощал лошадей. Лошади оказались разные, к каждой нужен был свой подход, и только Редфорд умел найти правильный.

Валентин Певцов тоже был один, а лошадей вокруг много!

Подошла официанточка, наклонилась почтительно, и, не глядя в карту, он заказал Мике зеленый чай, йогуртовый торт и морковный фреш с глотком сливок. Высший пилотаж.

Теперь, следуя за Робертом Редфордом, нужно было бы вожжи подтянуть.

– Время не терпит, – произнес он, как только официанточка отошла. – Если ты на самом деле уверена, что сможешь, нужно действовать. Ты уверена?

Вот это он спросил зря.

Напрасно.

Он дал ей возможность выбора, а этого не следовало делать. Это *он* выбрал *ее* для дела, а уж никак не наоборот!

Как утопающий за соломинку, она моментально схватилась за его оговорку и спросила тихо-тихо, не поднимая глаз:

– А ты думаешь, что у... нас есть выход? Ну... какой-то еще? Другой?

Он тут же вышел из себя.

– Мика, я сто раз говорил, что выход у *тебя*, – он приналег на это слово, – только один. Или собираешься в «Матросскую Тишину»?

– Я никуда не собираюсь, просто мне... – она вытащила сигарету и прикурила нервным быстрым движением, – просто мне очень страшно, Валечка. Так страшно...

Зачем, черт побери, он *спрашивал*, когда надо *приказывать*?

Он молчал, и она снова заговорила. Сигарета мелко дрожала в тонких пальцах, белым колючим светом сверкнул бриллиант кольца, и запах, боже мой, запах!..

Канифоль. Опять канифоль.

– Валечка, я так боюсь! Я сама не знала, как боюсь, и только теперь поняла. А ночью мне сон приснился, ужасный, гадкий! Я проснулась вся в слезах и до утра просидела, не могла уснуть...

– Не хочешь, – перебил он. – Не надо. Все отменяется. И мы закрываем тему.

Вот это было стопроцентное попадание.

– Нет! – вскрикнула она горячим шепотом. – Нет. Как же можно... отменить?

– Ну так. Если ты не хочешь.

– Я хочу. Но не могу.

– Мика!..

– Да-да, – согласилась она быстро. – Да, конечно. Я возьму себя в руки. Сейчас. Сейчас...

Павел Каплевич за соседним столом радостно захохотал и вольготно положил ногу на ногу. Ах, как Мика завидовала ему, и его спутнице, и его понятным и, должно быть, легким и приятным делам!

Валентин Певцов – Валечка – с другого края стола пристально следил за ней, и ничего она не могла понять по его взгляду. А о том, как именно следует читать мысли, глянцевого журналы не писали!

– Валя, я на все согласна, только ты... пожалуйста, приезжай вечером ко мне. Очень страшно одной. Мне все время кажется, что... что за мной следят.

– Кто? – спросил он насмешливо. – Кто за тобой следит?!

– Валя, не смейся надо мной!

Хрупкие пальчики оставляли на стекле с морковным фрешем влажные, мутные отпечатки, и внезапно отчетливая мысль пришла ему в голову.

У него в портфеле была целлулоидная папка с какими-то ничего не значащими бумажками.

Он расстегнул портфель и достал папку, а уж предлоги он всегда изобретал виртуозно.

– Мика, посмотри, пожалуйста, эти бумаги как-то связаны с Николаем Петровичем? Или мне показалось?

От загадочности того, что ему что-то такое «показалось», ей стало совсем нехорошо, и она схватила папку обеими руками. Схватила, ощупала со всех сторон, словно специально.

– А где ты их взял? А? Что-то все-таки случилось, да, Валя?!

– Да ничего не случилось. Ты... посмотри, посмотри.

Документы ничего не значили, какие-то глупые финансовые ведомости, переданные ему секретаршей, – самая большая выплата семьсот три рубля восемнадцать копеек! – но Мика выхватила их из папки, лихорадочно пробежала глазами, приостановилась и заставила себя читать внимательно.

Конечно, ничего такого она оттуда не вычитала.

– Нет, – сказала она несколько растерянно и подняла на него глаза, – нет, это не имеет никакого отношения... А почему тебе показалось?..

Ух, как она ему надоела! С ее подозрениями, страхами, постоянным волнением. Он не стал бы связываться с ней, если бы у него был выбор.

Но выбора не было.

Он аккуратно собрал листочки, сунул их обратно в папку, держа ее двумя пальцами и не опасаясь никаких подозрений со стороны Мики, а папку кинул в портфель и сказал холодно:

– Ты должна сделать это завтра или послезавтра. Я все приготовлю, а ты сделаешь. Потом я улечу, и мы встретимся только в Германии. Я надеюсь, что ты не напортачишь.

– Я постараюсь.

– Я позвоню тебе, а сейчас мне надо уходить. Я в Воротниковский.

Это было словно из какого-то кино – он поднялся, снял с вешалки куртку, кивнул ей и пошел по проходу в сторону двери, а она с ужасом смотрела ему вслед.

– Девушки, что здесь такое?

– Варвара Алексеевна, у нас ЧП!

– Господи, что случилось?!

– Да вот этот вломился, а мы не знаем, что теперь делать!

– Как что делать? Милицию вызывайте, срочно!

– Да не надо никакую милицию, мне кровь нужно смыть и все! Делов-то!..

– Ай, не подходите ко мне!

– Милиция, милиция!..

– Помогите ему кто-нибудь, смотрите, как сильно течет!

– Нина, Нина! Где Нина?! Нина, сюда, и захвати тряпку!

– Петя! Беги к двери и кричи «пожар»! Громко-громко!

– Зачем?

– Еще пожара нам не хватает!

– А что? Пахнет дымом, кажись?

Анфиса Коржикова, хладнокровно копавшаяся в своем ящике, распрямилась, бедром захлопнула его и выскочила из-за стойки:

– Быстро приложите. Вот этой стороной. Ну!

– Ай, щиплется!

– Ничего не щиплется, это перекись.

– Господи помилуй, да что нам с ним делать?

– Ничего страшного, Варвара Алексеевна!

– Да ничего мне не надо, сестренка. Мне бы вот... кровищу смыть, и я... поеду.

Заведующая, которую он назвал «сестренкой», вдруг усмехнулась и поправила на переносице очки, поверх которых смотрела. Уборщица Нина, разинув рот, гладела на них, с ее белой тряпки капала на пол вода. Гениальный Петя опять засунул палец в нос и кричать «пожар!», кажется, пока не собирался. Мать, подталкивая его в спину, шустро продвигалась к двери.

Залитый кровью мужик морщился и шипел, прижимая марлю к щеке, а потом вдруг шагнул и сел прямо на чистую скамеечку, под фикус. Этими скамеечками «для больных» аптека № 5 особенно гордилась.

– Мне бы посидеть малость, – прохрипел он преступным голосом. – Я посижу и того... пойду.

Анфиса посмотрела на заведующую, а та на Анфису.

– В милицию его сдать, – пробормотала из-за Натальино плеча какая-то бабка, – ишь, расселся!..

– Из-за них, сволочей, всю страну под откос пустили! – поддержал ее гражданин в шляпе и посмотрел воинственно. – Хоть бы передохли все!

– Так, – решительно пресекла прения заведующая, – Анфиса, проводи его на кухню и... займись с ним. Только... одного не оставляй.

– Да я не вор!

– Откуда мы знаем?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.